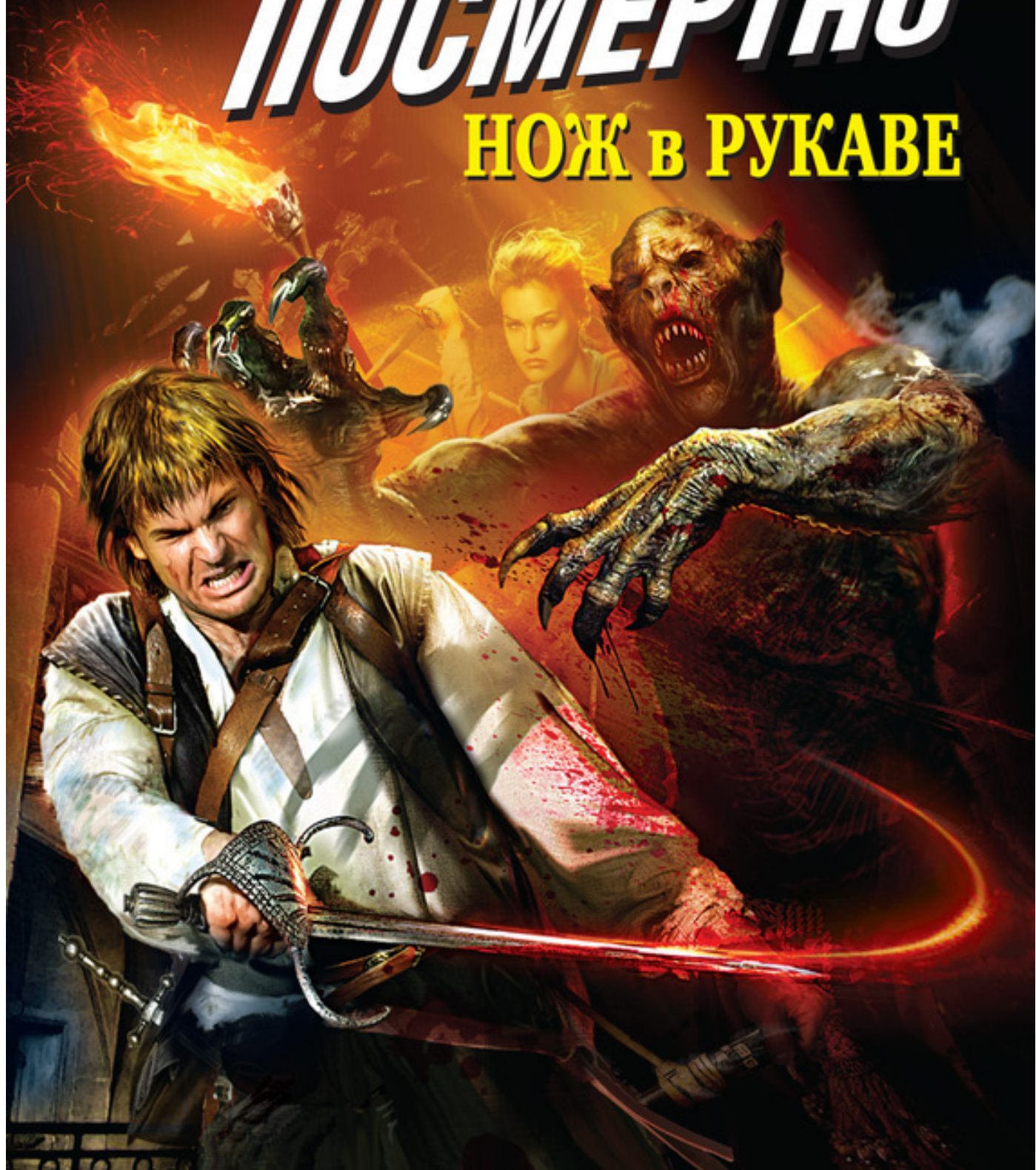

ЮРИЙ Валин

АНТИМИРЫ
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

ПОСМЕРТНО

НОЖ В РУКАВЕ

Антимир

Юрий Валин

Посмертно. Нож в рукаве

«Автор»

2012

Валин Ю. П.

Посмертно. Нож в рукаве / Ю. П. Валин — «Автор»,
2012 — (Антимир)

Они стали жертвами теракта в нынешней Москве – чтобы очнуться в неведомом мире, в средневековом городе-государстве посреди смертельно опасных пустошей, населенных хищными тварями и враждебными расами. «Судьба-террористка» забросила их в «перпендикулярную» реальность, откуда не возвращаются даже матерые спецназовцы, не то что испуганные подростки. Как «попаданкам» из XXI века выжить среди «ужасов Средневековья», воров, грабителей, наемных убийц, пиратских войн и кровавых нашествий, – выжить без всякой магии и помощи «прекрасного принца», рассчитывая лишь на себя, новых друзей и нож на поясе? На что они готовы, лишь бы вырваться из этого «Антимира»? Какую цену придется заплатить за возвращение домой?..

© Валин Ю. П., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Пролог	6
Глава 1	11
Глава 2	27
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Юрий Валин

Посмертно. Нож в рукаве

Автор благодарит:

Сергея Звездина – за техническую помощь,

Александра Москальца – за помощь на «всех фронтах»,

Евгения Львовича Некрасова – за литературную помощь и советы.

© Валин Ю., 2012

© ООО «Издательство «Яуза», 2012

© ООО «Издательство «Эксмо», 2012

Пролог

В кино идти не хотелось. «Брюнетка в миндале» – может шедевр с таким названием привлечь нормального человека? С другой стороны, что делать дома? Опять сидеть в Сети, в чате, тщетно пытаясь пообщаться с кем-нибудь адекватным? Ненужные фразы ненужных людей. Пустая болтовня.

– Ты готова? – возопила Мари откуда-то из кухни.

– Да, сейчас, – с досадой крикнула Даша и выключила компьютер.

Вторую неделю сестры существовали в привычном и необременительном одиночестве. Родители опять сгинули где-то в бездонных порталах Шереметьева. В последнее время предки проводили за границей времени куда больше, чем дома. Работа у них. Для Дашаи потрясающие успехи родителей на ниве массмедиа символизировались ежедневно получаемой SMS. «Все О?» – озабоченно интересовались предки. Ок, ок. Что может случиться с двумя вполне самостоятельными девицами в центре Первопрестольной? Ограбление? Маловероятно. Наркотики? Фу, пошло. Беременность? Еще пошлее... В свои пятнадцать лет Даша была просвещена насчет форм современной контрацепции не хуже какого-нибудь провинциального гинеколога. Правда, в основном знания оставались сугубо теоретическими. Машка – иное дело. Профессорскую степень на одних «практических-лабораторных» работах наверняка заслужила. В семнадцать лет такую кучу романов может накрутить лишь истинно увлеченная особа. Ну, это ее дела. Сестры поддерживали доброжелательный нейтралитет. В дела друг друга отучились вмешиваться еще в раннем детстве.

Зацокали каблучки, и в комнату влетела Мари, – возмутительно свежая и прелестная. И это в такую-то жару. Хм, фея московского лета. Даша глянула скептически, но к чему придаться, так и не нашла. Хороша сестрица. Стройная, как профессиональная гимнастка, оптимистичная, как утренняя телеведущая. Светлые волосы раскинуты по плечам с шикарной естественностью. Личико чистое, платье простенькое – сразу и не скажешь, что в фирменном бутике прикуплено. Как там в старину говаривали – «спортсменка, комсомолка и просто красавица»? Точно, только значка с лысенкиным дедушкой на платьице и не хватает. Вот было бы прикольно. Да, древний идеологический значок отсутствует, иной бижутерии тоже нет, лишь украшают пальчики безукоризненной девушки Марии замысловатые арабские колечки – опять же, недешевый жест в сторону современности и глобализации. Чтоб уж совсем простушкой и девочкой-паинькой не выглядеть. Намек этакий серебряный.

– Ты идешь? Да или нет? Нас уже ждут, – потребовала немедленного решения кинопроблемы сестра.

– Ой, так мы торопимся? – скривилась Даша. – Новый объект? Ты как, только в кино? В смысле, мне потом одной придется домой тащиться?

– Еще чего! Привезут нас домой, не сомневайся.

Понятно – совершенно свежий «объект». Машка всегда точно знает, на каком свидании что допущено: кино, театр, суши-бар, ресторан, клуб и так далее. Лишь по оценке преодоления пробно обучающих миссий соискатель будет допущен к лицезрению, как выражается сестрица, «росчерка девичьих стрингов». Это если объект проявит себя как многообещающий. У Машки естественный отбор поставлен куда строже, чем у основоположника дарвинизма. А алгоритм свиданий и Эйнштейну не постичь. Почему из одной логической цепочки выпадает этап суши-бара и театра, зато появляется стритрейсинг и кальян, а в ином случае тест на сексуальную совместимость следует сразу за посещением концерта в ночном клубе? Неугомонное существо Мари, увлекающееся, невзирая на всю свою столь востребованную циничность. Хотя, нужно отдать должное, старшая сестра все тонкости маневров неоднократно пыталась растолковать. Но Даша в этом отношении неисправимый лузер. В сущности, зачем себе голову забивать, если

ты все равно костлява и курноса, как персонаж французского ироничного мультфильма? С такими внешними данными предпочтительнее почаще в монитор смотреть. В хорошем дисплее мало что отражается, а веб-камеру для визуального воспроизведения некоего нелепого фейса в Мировой паутине можно и не включать.

– Только джинсы не вздумай натягивать, – предупредила Мари. – Там кондиционеры стоят непонятно какие. Взмокнешь, как дешевая лягушка с МКАДа.

– Между прочим, я не напрашиваюсь, – пробурчала Даша. – Потненькие ручонки неофита и сама отпихнешь. Надоело мне в роли бессловесной хранительницы приличий выступать.

– Какая еще хранительница?! – возмутилась Мари. – Я о тебе забочусь. Ведь завянешь, как укроп, за компом. Не первоклассница уже. И бессловесной быть вовсе не обязательно. Понравится конкретная личность – я тебе всегда уступлю. Хоть двоих сразу. Я к тебе, между прочим, неподдельно сестринские чувства испытываю.

Застегивая юбку, Даша засмеялась:

– Ты в детстве даже с мороженым жмотничала. Где уж бойфренда приличного подкинуть. Да и дата выпуска в эксплуатацию у твоих мальчиков сомнительная. Спорить могу – подсунешь уцененного, с посаженным аккумулятором.

– Ой, какие речи! – Мари закатила глаза. – Слава богу, у малышки либидо зашевелилось. Начала кроха энергетическими возможностями мужчин интересоваться. Я уж озаботилась – сестричка лягушонком холодненьким растет, от слова «секс» губки бледные поджимает.

– А физиология здесь при чем? – ехидно поинтересовалась Даша. – Ты же всегда утверждала, что оценка потенции самца напрямую зависит от интенсивности вибрации кредиток Visa и Master Card в его бумажнике? Разве не там основной мужской аккумулятор установлен?

– Не вульгаризируй. Мужчина на практике существует как единая взаимозависимая энергосистема. Там полно кабелей и выключателей с рубильниками. Гениталии у настоящего самца с чем только не соединены. Нужно уметь эксплуатировать. Там, знаешь ли, даже газопровод есть.

– Фу, Машка! – Младшая сестра поморщилась. – Иди ты на фиг со своими скабрёзностями. Не нужен мне твой бойфренд. У тебя сестра отсталая, юная и непорочная. Она свою девственность только любимому мужу насильно всучит. Пусть, идиот, порадует.

– Ход эффектный, тонкий. Романтичный. Но что-то не слишком верится, – Мари улыбнулась. – Я тебя тоже знаю. Ладно, мы едем или слушаем, как ты о карьере монашки неискренне бредишь?

* * *

На набережной снова уткнулись в пробку. Странный город – вечная стройка, вечный ремонт мостовых и хвосты чадящих самосвалов. За годы своей осмысленной жизни Даша успела вдоволь насмотреться на агонию старого центра. В мгновение ока истаяли уютные, пусть и обшарпанные дворики Замоскворечья. Перли из недр земли странные чуждые дома – с окнами-эркерами в полстены, с охранниками-чужаками и жильцами, раз в год появляющимися в пугающе просторных, музейных квартирах. Сотни мертвых окон, защищенных жалюзи и пышными портьерами, развешанными во вкусе нефтяников-миллионеров, гулко пустынные по вечерам и выходным переулки. Часто, выходя из дома, Даша чувствовала себя столетней бабкой, помнящей совсем иной город – вон там был скверик, здесь уютная булочная, там детский сад. Теперь вокруг стены, уносящиеся ввысь, камеры слежения, непреступные заборы, по живому рассекшие некогда привычные запутанные проходы между переулками. Шлагбаумы, запуганные охранники, судя по физиономиям, приплетшиеся в столицу пешком за обозом, как древний Ломоносов.

Сейчас «Ауди» медленно двигалась вдоль гранитного парапета набережной. Мари само-забвенно мурлыкала-кокетничала с новым знакомым. Даша, устроившись на заднем сиденье, старалась не морщиться, – так себе «вариант» изыскала сестричка – полноват, даром что про теннис так распинается. И лицо нечистое, как у подростка. Хотя какой он подросток, уже под тридцать. И как с таким целоваться? Ха, кто бы говорил? На себя, мисс Дарья, извольте трезво глянуть. Сколько лосьона на свое личико лунообразное, узкоподбородчатое за неделю вымазывать изволили? А красные пятнышки вот они – никуда не делись. Хорошо еще, в глаза не так бросаются. Диатез, как у карапуза трехлетнего. Волосы прямые, невразумительные, блондинисто-серые, вечно секутся, и ничего, кроме «хвоста», из них не придумаешь. Мари сколько раз пыталась сестрицу в свой проверенный салон красоты затащить, имидж родственнице подправить. Может, и стоило рискнуть. Да только мерзостно упрямая у нас барышня Дарья Георгиевна. Не желают-с они современно выглядеть.

Все это чушь. Имидж, самоуверенные парни, модные клубы – тебе-то что до них? В наушниках тихий русский блюз. Ну, не совсем блюз – просто московская музыка. Все равно с заткнутыми ушами легче жить. Сейчас отсмотришь ерунду голливудскую и вернешься домой. Заглянешь в Сеть – мимолетный курс совершенствования английского языка, – что ни говори, а приятно, когда тебя принимают за уроженку федерального округа Колумбия. Не слишком-то патриотично, но льстит. А патриотизм, он никуда не денется – вон, все под юбкой у бронзового долговязого царя ходим-ездим.

Даша проводила взглядом ноги царя, взгроздившегося на готовый лопнуть от такой тяжести крошечный шлюп. Со вздохом глянула на сжавшееся от близости грозного монарха обшарпанное здание бывшего императорского яхт-клуба. Когда-то двум девчонкам ужасно нравилось разглядывать этот сказочный домик.

Вдруг захотелось выбраться из машины и просто пойти домой. Пусть жара и духота, можно переулком прошмыгнуть. В Мароновском тоже стройка, но всего-то десять минут на своих двоих прогуляться. Кому нужно это кино идиотское? Дома, под высокими потолками, в темных и безлюдных четырех комнатах, так спокойно и уютно. Шторы можно не открывать, просто валяться в кондиционированной прохладе, бездельничать и смотреть на ползущие по потолку узкие полоски вечернего солнца.

Хватать за плечо рыхловатого кандидата в сестрицины бойфренды и требовать экстренной остановки Даша все-таки не стала. Успеете вы, Дарья Георгиевна, дома насидеться. Половина лета впереди. Стоит ли сестрице вечер портить?

Плеер все мурлыкал в уши:

...без четверти пять окончится дождь,
застынет река, время двинется вспять. { Здесь и далее стихи из
песен команды «Несчастный случай». }

Дождя, несмотря на духоту, так и не случилось. До начала сеанса еще оставалось время, и немногочисленные поклонники «Брюнеток в миндале» коротали время наверху, в кафе. Из окна было хорошо видна площадь с плотными потоками автомобилей и сквер с фонтаном на противоположной стороне.

...Запах пива несет закат
от асфальтовых акваторий.

Старому, некогда самому известному в стране кинотеатру совершенно не подходил хайтековский фальшивый хромированный пластик, декорирующий кафе. Застывшие волны моря

на слишком ярких баннерах, оригинальное «суши», произведенное трудолюбивыми узбекскими руками. Зато кока-кола здесь была просто ледяной.

– Выключи плеер, а, Даш. Послушай, Игорь так увлекательно о Багамах рассказывает. Ты же море обожаешь, – уже повторно намекнула Мари.

– Багамы, Багамы, нас и здесь неплохо поят, – пробормотала Даша, постукивая ногтем по бокалу с кока-колой. – Вы извините, Игорь, но я море только настоящее люблю. С запахом и плеском волн. А в качестве иллюстратора-пересказчика меня даже Айвазовский не устраивает.

– Вполне понимаю, – заверил вежливый Игорь. – Лучше пять раз лично увидеть, чем десять раз лично услышать. Хотите, я вас с Марией приглашу на Багамы в августе? У нас компания аква-байкеров собирается. Будет весело.

– Наверняка, – согласилась Даша, поправляя наушники. – Вы веселый. Сейчас еще что-нибудь этнографическое расскажите сестричке, и мы ваше заманчивое предложение обсудим. Мы с Машей просто без памяти от моря и экзотик-туров. Особенно когда аккумуляторы максимально заряжены.

Мари снисходительно улыбнулась. Надо отдать должное – великодушная принцесса на подначки младшей сестрицы не обижалась.

Игорь продолжал расписывать гастрономические достоинства багамских лангустов. Даша смотрела на площадь, забитую автомобилями, на чахлую зелень сквера и ничего пыльного не видела. Действительно, на море попасть было бы недурственно. Так, чтобы без людей, без машин, без назойливых съестных запахов. Бухта Морской Пехоты – есть такое укромное местечко в Крыму. Выгоревшая колючая трава, соленое озеро, длинная дуга песчаного малолюдного пляжа. Только вряд ли получится. Приедут родители и морской пляж дорогим наследницам наверняка обеспечат. Черногория или Лазурный Берег. Или эти самые Игоревы Багамы. Шезлонги, коктейли и отличный тренинг в английском языке. Кислотные баллоны аквалангов, сияющие гидроциклы, водные лыжи, вечеринки. Нужно будет пытаться внешне соответствовать.

– Пойдемте, уже пять минут осталось, – предложил Игорь.

Мари грациозно вспорхнула. Это надо же уметь так показать бюст в гаснущих лучах заката. «Современные куртизанки или зеленые человечки. Кто из пришельцев сверхъестественнее?» Интересная тема для реферата. Даша вздохнула и встала. Ладно, наберемся терпения и будем смотреть «Брюнеток в орехах». Вот на кой дьявол они нам сдались? Даже Игорь, похоже, исключительно на светловолосых Марий западает.

Сладкий сок источает песок под ногой,
И тот сегодня живой, кто вчера был убит... —

философски предполагал голос в плеере.

Вот двери. Теперь спуститься вниз, к залу на семьсот с лишним мест. Кто-то громко заговорил впереди. Испуганно отскочил в сторону парень в темном кимоно-униформе. В дверь, пригнувшись, вбежала черноголовая фигура. Девушка: джинсы, широкий летний жакет, на голове – небрежно намотанный черный платок. Стиснутые зубы, смуглое лицо, брови вразлет. Отпихнула с дороги, как манекен, грузного оторопевшего Игоря, проскочила мимо сестер.

Даже сквозь наушники истошный визг резал уши:

– Аллах Акбар! Свобода... братьев... смерть!

Девушка кричала, путая русские и нерусские слова.

Даша машинально вынула из ушей наушники. Это что, розыгрыш? Какой идиот...

Мелькнуло бледное от ужаса лицо Игоря, голубые перепуганные глаза сестры, люди за столиками, округлившие рты, дружно собравшиеся воскликнуть «О!».

Девушка в черном платке верещала, оглушая и не давая ничего понять своим визгом. Руки ее неприлично взметнули полы жакета. На животе выпирало что-то смутное, туго облепленное скотчем, уродующее стройную талию.

Так нельзя. Что она себе вообразила?! Двинуть бы ее чем-нибудь тяжелым по башке, чтобы заткнулась. Даша машинально нашла взглядом тяжелый вазон, красующийся на подставке рядом с дверью. Кажется, аспарегус. Врезать таким по затылку – мало не покажется. Игорю стоит только руку протянуть... Парень понял, замотал в ужасе головой. Машка ухватила сестру за руку:

– Не шевелись, Даш...

Черноголовая учуяла, обернулась. На человека вовсе и не похожа. Миловидное лицо стало пустым пятном. И глаза, – белые, белые, белые!

– Аллах Акбар!

«Я в степь хочу. Чтобы только птицы и море рядом. И никого больше», – успела подумать Даша.

В лицо плеснуло белым пламенем.

Глава 1

Дышать было больно. Влажный густой и теплый воздух распирает легкие изнутри, переполняет грудь, словно туго надутый целлофановый пакет.

– У меня сейчас внутри все лопнет, – простонала Даша.

– Пройдет. Это избыток кислорода. Или озона. Не помню, – пробормотала Маша.

Сестры сидели на скользком голом бугорке. Вокруг простиралась сумрачная мокрая степь. В сгущающейся темноте еще можно было рассмотреть бесконечные ложбины, чередующиеся с островками колючего кустарника и горбами лысой рыжей земли.

– Маш, мы и вправду умерли? – пробормотала Даша. – Почему здесь так сыро?

– Отстань. Откуда я знаю? – прошипела сестра, поглаживая обожженные пальцы. Ожог Мари получила в первый же миг пребывания в этом мокром чистилище. Кольца раскалились на руке, и бедная Машка, задыхаясь, плача и ругаясь, скакала по берегу узкого ручья, срывая украшения и швыряя их в воду.

– Маш, ты бы пописала на пальцы. Моча от ожогов вроде помогает, – безнадежно прошептала Даша.

– Отстань, говорю. Только мочиться на себя и осталось. И так уже... Раз ты такой скаут-экстремал, скажи, куда нам идти?

– Зачем нам идти? Мы же умерли, – тупо удивилась Даша.

– Я сказала – заткнись! – повысила голос сестра. – Умерли мы или нет – сидеть здесь не станем. Страшного суда, может, еще тысячу лет ждать, так что, все время в грязи торчать? Куда идти, я спрашиваю?

– Если заблудились, нужно ждать на месте. Или определиться, где север, и...

– Дашка, я тебя сейчас отлуплю, – отчетливо сказала сестра.

– Ты же меня с пяти лет пальцем не тронула, – прошептала Даша.

– Верно. Но сейчас все изменилось. Не до цивилизованного гуманизма. Говори, куда идти. Не зря же ты в своем дурацком туристическом клубе занималась.

– Я всего полгода туда ходила. Мари, это же просто смешно – в преисподней о туризме вспоминать.

Даша получила подзатыльник, дернула головой, едва не прикусив язык.

– Думать я буду, по-н-ят-но? – с нажимом заверила Мари. – Твое дело слушаться. Молчи и отвечай на вопросы.

Даше стало неожиданно обидно. Даже если после смерти, так что? Младшая же ни в чем не виновата. Почему? Дикая мокрая степь. Сумасшедшая террористка. За что? Может быть, это все только бред? Она сейчас лежит в палате реанимации, вся обожженная, вся в трубках аппарата искусственного дыхания. А степь – бред. Состояние помраченного сознания. Бывает же что-то подобное?

– Я сказала – думай, куда идти! – прошипела Мари.

От нового подзатыльника Даша пригнула голову ниже к коленям. Из глаз потекли слезы. За что?! В чем виновата?!

Машка ругалась сквозь зубы – после подзатыльников у нее здорово болели обожженные пальцы. У Даши и у самой жгло запястье – след от раскалившихся часов и металлического браслета останется надолго. Наверное, после смерти все «надолго»? Хотя могло быть и хуже, могло и руку пережечь. Как только кисть не отвалилась? Стрелки на циферблате сплывались в какого-то жутковатого паучка. Теперь испорченным «Тисот» вечно блестеть в воде ручья.

Даша крепче вцепилась в собственные спутанные волосы. Действительно, нужно идти куда-нибудь. Или с ума сойдешь. Может умершая душа сойти с ума? Если ожоги так болят, то

почему с рассудком все нормально должно быть? Называют же сумасшедших «душевнобольными»?

– Маш, нам, наверное, по течению ручья идти нужно. Течение к людям должно вывести.

– Это точно? – подозрительно спросила сестра. – А если мы в какое-нибудь болото упремся?

– Может, и в болото. Только учили нас идти по течению. Река или ручей должны, по идее, обязательно к поселению вывести.

– Хорошо, – Маша решительно поднялась. – Когда совсем стемнеет, залезем на какой-нибудь холм. Оттуда наверняка огни увидим. Давай, шевели конечностями. Не ночевать же здесь.

Точеные каблучки босоножек вязли в набухшей водой земле, но Маша двигалась уверенно. Даша тащилась за сестрой, вытирая глаза и стараясь не съехать в ручей. Ноги, обутые в летние шлепанцы на тонкой подошве, предательски липли к земле.

Почему все так получилось? Ведь тебе еще и пятнадцати не исполнилось. Почему именно тебя смерть вдруг обожгла, швырнула в хляби эти грязные? Что теперь с родителями будет?

– Перестань слезы лить, – не оборачиваясь, сказала Маша. – Смысла нет. Никто тебя сейчас не пожалеет и к доброму дяде-психологу не отправит. Выберемся, вот тогда оттопыришься по полной.

– Маш, как же мы выберемся? Ведь мы умерли. У нас под самым носом эта бомба взорвалась. У мертвых какие психологи?

– Насчет последнего ничего сказать не могу. Только у мертвецов вряд ли ожоги так зверски болят. Да и кислородное отравление у покойников тоже маловероятно. Что-то здесь не то. Судя по тому, как я себя чувствую – мы скорее живые. Нас, наверное, забросило куда-то в момент взрыва. Я что-то такое в кино видела.

– Какое кино, Маш? Террористка эта тупая рядом стояла. Может, ты или я в коме лежим? И нам все это только кажется? Может, мы бредим?

– Какая разница, твою мать?! – выкрикнула Машка, оборачиваясь. – Иди и молчи. С закрытым ртом ты на умную чуть больше похожа. Умерли мы или не умерли, я в грязи сидеть не останусь.

– Не ори, – пробормотала Даша. – Я понимаю, ты сама психуешь.

– Понимаешь – так иди и молчи. – Сестра стащила с ног босоножки и зашлепала босиком.

Окончательно стемнело. Даша с трудом различала в двух шагах впереди светлое пятно платья сестры. Несколько раз Даша съезжала по скользкому откосу в ручей. Идти по теплой воде было легче, но в потоке попадались тяжелые камни. Девочка выбиралась на берег, старалась догнать сестру. Мари шагала не оборачиваясь.

Силы у Даши давно кончились, ноги подгибались. Наконец Мари сказала:

– Хватит. Не видно ни черта. Нужно передохнуть. Сейчас найдем местечко посуше.

Они сидели на вершине невысокого холмика. От земли шло осязаемое тепло, воздух плыл, влажный и тяжелый, как ватное одеяло. Сестер обступала беспросветная темнота.

– Правда, как в аду, – тихо прошептала Маша. – Уж дачных-то поселков здесь точно никто не строил. Смотри – ни единого фонаря.

– Здесь воздух не наш. Мы все-таки умерли.

Маша коротко засмеялась:

– Не говори глупостей. Можно подумать, ты знаешь, какой воздух в загробном мире.

Они помолчали. Потом Мари сказала:

– Давай попробуем поспать. Неизвестно, сколько еще идти.

Они лежали спина к спине, поджав ноги. Спина у сестры была теплая, даже чуть-чуть духами пахла, но Даша отчетливо поняла, что они никогда никуда не придут. Теперь будет

смерть за смертью. От жары, от холода, от жажды и голода. Еще от чего-нибудь. Это кара господня. Они грешили и вот... Неужели так много нагрешили?

– Даш, ты на меня не обижайся, – прошептала Мари. – Я обязательно должна к людям выйти. И тебя вывести. Я не желаю в грязи подыхать. Хватит с нас этой террористки трахнутой. Домой вернемся, можешь меня отлупить как следует. Или в угол поставить.

Домой уже не вернуться. От пронзительного понимания этой истины из глаз Даши потекли слезы. Стараясь не всхлипнуть, она прошептала:

– Хорошо. Я обязательно тебе по шее настучу.

Проснулась Даша неожиданно. Спалось ужасно – лежать жестко и колко, влажный воздух стал заметно прохладнее и окутывал ноги липким саваном. Но вынырнула из глубокого сна девочка вовсе не из-за холода. Что-то крупное постукивало камнями и шуршало в ближайшей ложбинке. Сестра тоже резко подняла голову:

– Что это еще такое?

– Жи-животное, – пролепетала Даша. – Похоже, как змея чешуей шуршит...

– Спятила?! Таких больших змей не бывает.

– Может быть, в аду...

– Не болтай... – Мари задохнулась.

В низине ворочалось голубоватое свечение. Смутные кольца плоти. Светящиеся пятна. Живое.

– Бежим отсюда! – прошептала Мари.

Даша бежала за сестрой, оступаясь и спотыкаясь. От ужаса голова совсем опустела. Впереди легкой босоногой тенью неслась Машка. Взмахивала рукой с туфлями, успевала обернуться и глянуть на голубую тень, успевшую заползти на холмик, где ночевали покойницы.

– Давай быстрее!

Даша несколько раз падала. Сбитые колени саднило, расцарапанный локоть сочился кровью. Легкие разрывались, в боку невыносимо болело.

– Я больше не могу!

– Отдохнем, – согласилась задыхающаяся Мари. – Этой херни уже не видно. Да успокойся, успокойся...

Даша начала дышать спокойнее, одновременно из глаз неудержимо потекли слезы:

– Оно за нами приползало. Забрать...

Мари ударила сестру по губам:

– Заткнись! Никаких истерик. Кому ты нужна? Это, скорее всего, какой-то газ был. Свечение очень похожее.

– Врешь, – Даша вытерла дрожащей рукой рот. – Оно живое было. Не бей меня больше.

– А ты глупости не болтай. Если мозгов не хватает – тупо слушайся меня. Что ты как тряпка сопливая? На вот, – Мари вложила в руку сестры скользкий камень.

– Зачем? Кидать, что ли? Он и не почувствует. Маш, он... оно величиной с машину.

– А ты что предлагаешь? Приласкать его орально? Я бы попробовала, да, судя по всему, оно бесполое. Или двуполое. Черт его знает, я в голубых червях-клубках ничего не понимаю. Сиди здесь, охраняй мою обувь и не смей трусить. Я на холмик поднимусь. Оглядеться нужно.

– Маш, я с тобой!

– Небо светлеет, – сказала Мари, оглядывая бесконечные бугры. – Или уже утро. Или тучи разошлись?

– Тучи расходятся, – нерешительно заметила Даша. – Вон – звезды появились, светятся. Сестры долго сидели, разглядывая небо. Россыпи звезд сияли все ярче.

– Далека я от астрономии с географией, – наконец признала Мари. – Но кажется мне, что это совсем не наше небо. Что-то чересчур до х... здесь звезд.

– Не ругайся, – попросила Даша и всхлипнула. – Может, мы в Южном полушарии очутились?

– Точно – в Австралии. Сейчас кенгуру запрыгают. Как же ты, Дашка, сама себе врать любишь, а? Неужели легче становится?

Они шли по неровной степи. Даша разулась. Сначала пятки колола жесткая трава, потом ноги перестали чувствовать боль. Девочку качало от усталости. Сестра тоже устала, но упрямо шагала вперед. Найти потерянный во время паники ручей никак не удавалось.

Вдали, уже не в первый раз, кто-то жутко взвыл.

– Кенгуровидная собака, – пробурчала Маша. – Такие в Австралии вроде бы водятся. Жрать хочет. Как я.

– Там сумчатые водятся. И дикие собаки динго. А это большая... Маш, тебе что, совсем не страшно?

– Я уже уссалась и больше не хочу. Нечем. Умерла – не умерла, боюсь – не боюсь. В аду, в чистилище, в Австралии или в созвездии Раком – я хочу существовать. И можешь не сомневаться – жить буду до последнего дыхания. Прискачет твоя динго или динозавр – получит камнем в лоб. Начнет меня жрать – буду до последнего кусаться. Ты камень несешь?

– Несу, – Даша стискивала в руке шершавый кругляш. Как ни странно, от ощущения тяжести в руке становилось немного легче.

– Ну и молодец, – сестра вздохнула. – Может, взглянешь на телефон? Вдруг ожил?

Даша вытащила из кармана на юбке свою «раскладушку». Открывается со скрипом, экран темный, даже вынуть аккумулятор никак не получается. Совсем умер телефончик.

– По-моему, он сломался, – сказала девочка. – А еще, Маш, у меня, кажется, карман отрывается.

– Ты осторожнее. Не потеряй. Телефон да твой плеер дурацкий – все, что у нас осталось. Вот сука эта террористка! Наверное, мою сумку вообще в клочья разнесло. И как я ее из рук выпустила? Черт! Вернемся домой – выйду замуж за генерала из ФСБ. Буду вдохновлять на неустанную борьбу с террористами и прочими незаконными формированиями. Они у нас, тупорылые шахида, попрыгают.

Даша засмеялась и зашмыгала носом.

– Ты что это? – встревоженно спросила Мари. – Простудилась в такую теплынь? Хлюпашь на всю степь. Высморкайся немедленно!

– Как? В подол? У меня платка нет.

– В подол не нужно. Мы и так на бомжих похожи. Сморкайся рукой, как футболисты...

Даша честно пыталась, но в основном размазывала сопли. Звуки получались противные.

– Подожди-ка икать, – зашипела Мари. – Это, случайно, не дорога там впереди?

Теперь девушки брели по относительно ровной поверхности.

– Странная дорога, если это вообще дорога, – заметила старшая сестра. – А это что за фигня?

– Это навоз, Маш. От лошадок, – устало сказала Даша. – Здесь, наверное, на телегах ездят.

– Ясно. Значит, сельская дорога? Это хорошо. Деревенские, они обычно не сильно развитые. Значит, выживем мы с тобой.

– Они грубые. Они нас... Куда мы с тобой попали? – Даша почувствовала, как по щекам снова потекли слезы.

– Сейчас по затылку получишь, – предупредила Мари. – Не знаю, куда мы с тобой выйдем, но уж точно не на асфальтированную Рублевку. Держись. Деревенские ей не нравятся, аристократка гламурная. На себя посмотри – одни слезы да сопли. Нет, брезговать мы не будем.

Попадется пастух или тракторист – будешь ему улыбаться да просить растолковать, куда нас, дур подорванных, занесло.

Рассвело быстро. Девушки, наконец, набрали на ручей – тек теперь вдоль дороги. Жутко хотелось пить, но Мари заставила процедить воду сквозь ткань. Выжимая из подола прохладные капли, Даша никак не могла напиться.

– Слушай, – озабоченно сказала Мари, – у тебя трусы – дырка на дырке. И платье не лучше. Нам вообще-то и к деревне стыдно выходить. За шалаву тебя примут.

– У тебя платье тоже отвратительно выглядит, – заметила Даша, – ткань как марля просвечивает.

– Вот б... – Сестра посмотрела ткань на просвет. – И здесь не везет. Ведь совсем новое платье было. Вставай и пойдем.

Даша едва волокла ноги. Смотреть по сторонам сил не оставалось. Выпитая натошак вода беспокоила желудок. Хотелось лечь и не шевелиться.

– Эй, сестричка, смотри – кажется, река впереди. И там лес правее. Широкая река, прямо Волга. Или Миссисипи. Сейчас туман разойдется...

– Маш, я сейчас умру, – прошептала Даша.

– Не преувеличивай, – Мари засмеялась. – Мы уже покойницы. Ты сама говорила. Давай-ка, вперед шагай. Наверняка к людям скоро выберемся.

Сестры вышли на перекресток. Ярко светило едва поднявшееся над горизонтом солнце. Щелкали и щебетали, перепархивая по голым буграм вдоль дороги, птицы. Даша тоскливо шмыгала носом.

– Ты в себя приходи, – потребовала сестра. – Впереди спуск, выйдем к реке. Как ты в таком виде людям покажешься? Бродяжка одуревшая.

Даша не хотела к людям. Лучше просто лечь и заснуть. На этот раз навсегда. Хватит жизни. Уже совсем-совсем хватит. Вот только желудок... И на этот раз умереть спокойно не получится.

– Маш, мне нужно отойти, – Даша сошла с дороги.

– Нашла время, – рассердилась сестра, но пошла следом.

Даше хотелось ее отослать, и так стыдно, но тут по дороге застучали копыта и заскрипели колеса. Даша ахнула. Сестра поспешно присела рядом.

– Голову пригни!

Лошадь фыркала уже рядом. За скрипом колес девушки расслышали обрывок разговора:

– ...с первыми лучами солнца. Как же! Разве с тобою-то вовремя соберешься? – занудно упрекала молодая женщина.

– Чего рисковать? – оправдывался мужской голос. – Все равно к первому парому успеем. А раньше выезжать опасно. Вон, опять в нашей округе йиена объявился.

– Вечно у тебя отговорки полно...

Мимо промелькнула повозка, запряженная красивым гнедым меринком. Скрипели грубоватые, сколоченные из досок колеса. Даша успела разглядеть черноволосую молодую женщину в просторном одеянии и ее плохо выбритого спутника, бодро помахивающего вожжами. На повозке громоздились туго набитые мешки.

– Ничего себе! – прошептала Мари. – Ты видела?!

– Что они бедные? Да, и телега у них самодельная. На рынок торопят.

Мари смотрела на сестру широко распахнутыми голубыми глазами. С сочувствием смотрела, как на тяжело больную. Наконец сказала:

– Дарья, ты совершенно с ума сошла? Они же на каком-то странном английском разговаривали.

– Почему странном? – пробормотала Даша. – Акцент какой-то необычный, и все. А так все понятно.

Сестра глянула ей в глаза и сухо сказала:

– Пойдем, слабоумная. Слышала, здесь какой-то йона бродит.

Они подошли к пологому спуску к реке и остановились. Ярко блестела просторная гладь воды. Справа, вдоль ближнего берега, раскинулась зеленая роща. К небу тянулся дымок костра. Сбегающая вниз дорога упиралась в дощатый причал. Рядом стояли две повозки. Сидела группка людей. А на противоположном берегу раскинулся большой город.

Причалы, заставленные десятками кораблей и барок. Целый лес мачт и снастей. Крошечные фигурки, снующие с поклажей по сходням. Стрелы лебедек, поднимающие тюки и бочки. Низкие строения – склады, амбары, зернохранилища, высокие штабеля бревен и бочек сплошным лабиринтом тянулись до самых городских стен. Невысокие, но мощные башни и зубцы крепостных стен. Ворота – одни, вторые, третьи... За стенами крыши домов. Справа, уже внутри городских стен, видны стены повыше – стройные высокие башни с бойницами – замок. Вяло колышутся узкие яркие знамена.

Мари присела на корточки, потеряла ладонями лицо:

– Так я и знала. Чувствовала. Просто отвратительно здесь чисто. Что для XXI века, что для ада. Мусора вообще нет. Влипли мы с тобой, сестренка. В историю. В первобытную.

– Не может этого быть, – вяло запротестовала Даша. – Это музей какой-то. Туристический центр. Они здесь все сохранили нетронутым. Как в Праге...

Мари взметнулась на ноги, оскалившись, хлестнула сестрицу по щеке:

– Хватит чушь пороть! И без тебя гнусно! Не знаю, что с нами такое случилось и можно ли выбраться из этого твоего «музея», но уж надыхаться здешнего дерьма нам придется досыта. Так что заткнись, если ничего путного сказать не можешь. Мне и за тебя, идиотку, думать придется...

Шлепанцы на исцарапанных ногах держались плохо. Даша плелась за сестрой и тупо сожалела, что не сдохла ночью. Из носа текли сопля, в животе угрожающе бурлило. Не нужно было пить сырую воду. Вот об этом и думай, обо всем прочем позаботится твоя уверенная и мудрая сестрица.

Шмыгая носом, Даша стояла и старалась не смотреть, как сестра разговаривает с местными. Людей здесь было немного: торговцы овощами на двух повозках, – с одной семейной парой, так боящейся опоздать к первому парому, сестры заочно уже были знакомы. Еще здесь торчало четверо юнцов – эти явно заявили пешком и теперь сидели на перилах пристани. У ног мальчишек валялись потрепанные мешки. С этой четверкой и вступила в разговор Мари. Доносившиеся сомнительные шуточки Даша старалась пропускать мимо ушей. Мальчишки явно были уверены, что девки провели ночь, работая в роще у остановившихся там речников. Что за «работа», тоже было абсолютно понятно. Машка бесстыдно улыбалась и не спешила рассеивать заблуждения местной шпаны. Насчет нарядов девушек местные хулиганы тоже не замедлили высказаться. Особенно неприлично было оценено нижнее белье, просвечивающее сквозь платье. С взаимопониманием вопросов не возникало – нормальный язык, только смысл отдельных слов не совсем понятен. Очевидно, местный жаргон. Или ненормативная лексика. Догадаться можно...

Краснеть у Даши не было сил. Девочка отошла к перилам чуть подальше, присела на доски пристани. От досок крепко пахло рыбой, в щелях желтели рассыпанные зернышки овса. Несчастный желудок Даши начал бунтовать с новой силой.

Мари шепталась с парнями.

«Шлюха, – тоскливо подумала Даша. – Моя сестрица – банальная шлюха. Я сейчас умру, а она только хихикает».

Возницы зашевелились. К пристани подходил паром. Медленно ворочались тяжелые весла.

Рядом с Дашей присела сестра:

– Что у тебя такой вид полудохлый? Сопли замучили? Веселей, Дашка, – переберемся в город, я тебя покормлю. Я телефон продала. Продешевила, конечно. Ребятишки подумали, что я его у тех речников сперла. «Шкатулка с секретом» – ха! Ну, пусть открывают. Может, им аккумулятор слитком золота покажется. Да не грусти ты так. Здесь люди необразованные, темные, но общаться вполне можно. Ну, не богема, естественно. Так мы и не в Москве. – Мари вздохнула. – Город этот называется – Каннут. Да что же ты, черт возьми, такая апатичная? Сейчас нам быстро соображать требуется. Неприятностей здесь отхватить легче легкого...

С парома под шум и ругань съезжали повозки. Потом начали грузиться те, что ждали груженные овощами. Мари заплатила за проезд кряжистому бородатому паромщику, увернулась от лапы, норовившей шлепнуть пониже спины, и потянула сестру на паром.

– Да приди же в себя, Дарья! Нашла время капризничать.

Капризничать Даша не хотела. Она вообще ничего не хотела. Ничего-ничего-ничего. Села у борта, обхватила руками колени, чтобы гребцы не заглядывали под слишком короткую юбку. Дичь. Варварство. Воняет навозом, конским и человеческим потом. Занозы кругом. У гребцов сквозь дырявые штаны стыд виден. Средневековье. Сожгут как ведьм. А-а, не все ли равно? Качнуться бы через невысокий борт да в воду. Только не утонешь ты, Дашка. Плаваешь чересчур хорошо. Нет, ты быстрее с ума сойдешь, чем утонешь. Как можно жить без Москвы, без родителей, без зубной щетки? Без телефона.

Сквозь навернувшиеся слезы Даша покосилась на сестру. Машка сидела с мальчишками, на широком носу парома, оживленно болтала. Отпихнула норовящую лечь на бедро наглуую руку. А ведь она ноги нарочно показывает. Естествоиспытательница проклятая – изучает, такие же здесь парни или им, средневековым, что иное подавай? И ведь не пропадет, Мария Георгиевна. Вон как на нее мальчишки пялятся. Да что мальчишки, все мужики живо интересуются теми ногами исцарапанными, бесстыдными.

Даша отвернулась и принялась смотреть в воду. Неудержимо текли слезы. Ну не может же за сутки жизнь так измениться?! Разве способен человек такое пережить и с ума не сойти? Ладно – Машка, она всегда не головой, а иным местом думала. Мама вечно так говорила, когда психовать на сестру начинала. Ах, мама, мама...

Даша шмыгнула носом и одновременно всхлипнула. Попробовала сморкнуться, почти получилось, прозрачные нити повисли на доске перил. Даша поспешно размазала их подошвой шлепанца.

– Эй, ты чего такие красивые туфли портишь?

Даша вздрогнула, покосилась. Рядом присел на корточки один из Машкиной компании. Самый некрасивый, худой, мослы торчат, как у марионеточного скелета, глаза хулигански прищурены, штаны в два раза просторнее, чем нужно.

– Ты что здесь одна сидишь, горем убитая? Умер кто? Или потеряла что-нибудь? Наверное, заколку.

– Почему заколку? – растерянно спросила Даша.

– Да сильно похоже на то, – мальчишка показал пальцем, – уж очень ты растрепанная.

Даша машинально пригладила волосы и поинтересовалась:

– Ты мне гребень хотел предложить?

– Не, я и сам не пользуюсь, – улыбнулся парень. Зубы у него были крепкие, но удивительно неровные.

Даша заморгала:

– Если сам не пользуешься, чего к людям пристаешь?

– Так я так, для разговора. Смотрю, сидишь грустная. Подружка-то твоя куда как с острым язычком, с ней-то не заскучаешь.

– Так вали к ней и не скучай. Чего ко мне пристал?

Парень удивился:

– Разве я пристал? Я даже еще и не начал. Ты откуда такая злая? С верховьев или с устья? Говоришь не по-нашему.

– Слушай, какое тебе дело? Я ведь и вправду все свои заколки потеряла. Не приставай, а?

– Ладно-ладно. Не хочешь разговаривать – не надо. Я тебя просто угостить хотел, – парень вытащил из мешочка на поясе что-то обтрепанное, однозначно несъедобное на вид, всунул в пальцы Даши. – Я по опыту знаю – люди злые, когда жрать хотят. И девчонки сероглазые, как и все люди...

Костлявый ловко перепрыгнул через жерди ограждения, пошел к своим на нос. Даша растерянно смотрела на замызганный сухарь в своей руке. Похоже, болтался пыльный продукт у пояса бродяги не один день. Может, и подобрали этот сухарь на какой-нибудь помойке. Но пах огрызок съедобно и даже аппетитно.

Паром медленно двигался наперерез течению. Даша сидела, прикрыв глаза, посасывала сухарь. Вокруг скрипели весла, плескалась вода. С борта стоявшей на якоре барки с руганью выплеснули ведро помоев. Все это было рядом, но, оказывается, об этом можно не думать. Стоит только закрыть глаза.

Два осетра, брат и сестра,
плыли вниз по реке и нашли чемодан в песке...

Паром подошел к причалу. Мальчишки похватили свои мешки и с гиком перепрыгнули на настил, не дожидаясь, когда паром причалит. Сердитый паромщик громогласно обозвал прыгунов «хогменовыми недоносками».

– Хватит грезить, – сказала Мари, беря сестру за руку. – Пошли достопримечательности осматривать.

Даша покорно встала.

Девушки протиснулись мимо повозок и сошли на пристань. Справа сплошной стеной покачивались речные суда. Слева тянулся приземистый сарай, по крыше которого прогуливались, самодовольно курлыкая, многочисленные упитанные, весьма похожие на московских голубей, птицы. Под ногами была густая грязь, развезенная множеством колес и ног.

– Город Каннут – здешний пуп земли, – рассказывала Мари. – Нам повезло, что мы сюда вышли. До ближайшего приличного городка чуть ли не тридцать три года и три месяца караванных путей. А здесь, в Канноте, король властвует, как положено. Войны, чумы или президентских выборов в ближайшее время не предвидится. Обстановка стабильная, что не может не радовать. Мы же москвички, неужто мы этот отсталый Каннут не покорим? Эй, сестрица, ты меня слушаешь?

Даша не слушала. Страшные сказки стали почти явью, но к чему знать подробности? Нормальный человек все равно не будет здесь жить. Это попросту невозможно. Она, как нормальный человек, должна пойти в десятый класс. Учиться, готовиться к институту. И никаким дикарским королям и вонючим улицам не изменить этого единственно возможного варианта жизни.

– Сухарик хочешь? – пробормотала Даша, протягивая сестре огрызок.

– Не знаю, где ты его откопала, но выглядит он подозрительно. Нет уж, – Мари слотнула слюну, – сейчас купим что-нибудь посъедобнее. Денежки пока есть, – она звякнула завязанными в клочок ткани монетами.

У городских ворот купили большой пирог со странной смесью капусты и жареной печени. Стараясь не давиться горячей мякотью, сестры сначала сели на кипу досок, но их оттуда тут же прогнал злой плотник. Мари отвела сестру к стене хлипкого строения, торчащего на краю замусоренного рва. Девушки жевали вкусный пирог и разглядывали суету перед воротами.

– Сугубо средневековое средневековье, – заметила Мари. – Воняет жутко. С другой стороны, про эпидемии они здесь слухом не слыхивали. Выглядят здоровыми. Только зубы плохие, и этот... фурункулез, – она кивнула на троих нищих, устроившихся у моста. Даша с трудом сглотнула кусок пирога – нищие активно демонстрировали прохожим руки и ноги, покрытые десятками нарывов.

– Что ты бледнееешь? – нахмурилась Мари. – Можно подумать, они от наших бомжей так уж сильно отличаются. Вон как живо вертятся. Надо понимать, эти гноища у них – профессиональные «фенечки». Перестань придуриваться, Дашка. Не время для брезгливости. Мы, так или иначе, живы. И нужно устраиваться. Приспосабливаться. Придумаем что-нибудь.

– Я не хочу здесь устраиваться, – пробормотала Даша, вяло дожевывая пирог. – Я здесь жить не могу.

– Перестань, – старшая сестра поморщилась. – Я прекрасно помню, что ты рафинированная интеллигентка в пятом поколении. Только здесь это по фигу, не катит, разве не видишь? Здесь привилегию высокомерно заирать курносый нос еще заслужить нужно. Ждут нас трудные времена, и наше самолюбие столичное отложим пока подальше. Сейчас пойдем и гостиницу отыщем. Мне ребята «Прохладный родник» рекомендовали. Там на таких залетных девок, как мы, внимание не слишком обращают. Пошли, пошли. Пора городок осмотреть.

– Маш, а что ты так руку держишь? Локоть ушибла?

– Какой локоть, – Мари усмехнулась, – у меня платье под мышкой по шву разъехалось. Теперь я с этого боку излишне эротично выгляжу. Нужно нам тряпки поменять, а то совсем проходу не будет...

В город девушек пропустили беспрепятственно. Стражники одобрительно загоготали, вслух оценивая округленькую попку светловолосой красотки. Идя следом за сестрой, Даша видела, что ткань Машиного платья стала совсем уж прозрачной, как будто его десять лет носили не снимая. Как же ты сама выглядишь? Джинсовая юбка еще держалась, но блузка... Будто тонкий шелк просвечивает. Только полный дурак тебя за уличную шлюху не примет.

Девушки пропихались сквозь тесноту у ворот. Дальше на узких улочках стало малоллюднее. Машка остановила какого-то солидного господина, чарующе улыбаясь, расспросила, как найти «Прохладный родник». Мужик отвечал сухо, но сам все сквозь платье пялился, скотина.

– Интересно, есть здесь полиция нравов? – пробурчала Машка, увлекая сестру в очередной переулочек. – Как бы нас не повязали. Отрабатывать на халяву придется. Парни говорили – здешняя тюрьма не сахар.

– Почему тюрьма? – в ужасе прошептала Даша.

– Догадайся с трех раз, – зло сказала Мари. – Ты перестань тупить. Говори только по-местному. Русский язык забудь до лучших времен. И вообще, перестань идиотничать. Мне тебя утешать некогда.

– Не нужно меня утешать, – пробормотала Даша. – Все равно не утетишь...

Машка промолчала.

Сестры запутались в узких переулках. Почему-то вышли к чадным кузнечным мастерским. Звенела сотня молотов, в глубине низких темных навесов сыпались искры. Пахло углем и горячим металлом.

Машка, ругаясь, повернула назад. Она расспросила дорогу у вертлявого малого. Парень охотно объяснил, а потом предложил что-то, чего Даша вообще не поняла. Сестра, хихикая, пообещала в следующий раз. Парень тоже мерзко ухмылялся. Даша чувствовала себя гадко до невозможности.

– Чего он хотел?

– Не напрягайся. Ты ему таких развлечений предоставить еще не способна, – Мари улыбнулась. – Резвый здесь народ. Не то что о СПИДЕ, но и о элементарной гонорее никто не слыхивал. Нужно этот момент уточнить. Венерическая безопасность – дело, знаешь ли, не из последних.

– Маш, ты что говоришь? Они же грязные, как...

– Мы сейчас ничуть ни чище, – резонно возразила старшая сестра. – Перестань себя туристкой воображать. Я на пароме от парнишек уйму полезных сведений получила. Что ж такими развивающими знакомствами брезговать? С королем нам поболтать вряд ли удастся.

– А те парни кто такие были? Бродяжки?

– Нет, они статусом повыше будут. «Деловые». Денежки имеют. Черт, задаром я им все-таки телефон спланила.

– Маш, а «деловые» – это кто? Жулики? Преступники?

– Ну да. Криминалитет. Бандюки мелкие. Шпана и гопники. Они много чего знают. Только бесперспективные. Дно города.

Солнце спряталось. Начал накрапывать дождь, но все равно было душно и жарко. Девушки вышли на тесную площадь и увидели сразу три гостиницы. На самой обшарпанной красовалась вывеска – «Прохладный родник».

– Да, это даже не «Рэдиссон Славянская», – вздохнула Мари. – Ну, денег у нас в обрез. Придется здесь прозябать первое время...

Сказать, что Даша была в шоке, было бы слабо. Мари сняла даже не номер, всего лишь полкомнаты. За занавеской жила пухлая жизнерадостная проститутка по имени Донна. В распоряжении сестер оказалась большая часть комнаты, зато у соседки имелось окно, затянутое мутным пергаментом. Донна поздоровалась с новыми жильцами, посоветовала ужинать в «Быстром петухе», что стоит напротив «Родника», – там готовят куда лучше, – и ушла работать.

– Дашка, ты здесь устраивайся, а я на рынок схожу, что-нибудь из тряпок прикуплю. Денег у нас маловато, а в этой «кисее» в общество и выйти уже невозможно. Не трусь, сестренка. – Мари чмокнула ошеломленную Дашу в щеку. – Ты у меня девочка сообразительная. Если свою апатию оставишь, еще и меня за пояс заткнешь. Не скучай, осмотришь...

Даша стояла, не решаясь сесть. Два табурета, глиняный кувшин, два соломенных тюфяка, прикрытых одеялами, больше похожими на неровно распоротые мешки. Глиняный пол. Как здесь можно жить? Даже в тюрьме наверняка уютнее.

По пергаменту окна барабанно стучали капли дождя. За стеной кто-то громогласно хохотал. Даша села на неустойчивый табурет и увидела, как вдоль стены ползет черный, величиной с палец клоп.

* * *

Мари не вернулась ни вечером, ни ночью.

Ночь Даша провела, свернувшись под дурно пахнущим одеялом. Донна, почти непрерывно, одного за другим, приводила клиентов. Азартно ахала и вскрикивала, отрабатывая деньги. От энергичных движений колыхалась занавеска и качался кувшин на табурете. Кувшин Даша в конце концов переставила на пол. Заткнула уши наушниками немого плеера. Заснуть было трудно.

Вышли на минуточку,
не закрыв калиточку,
пошли по улочке,
как по ниточке...

Утром Даша проснулась от звучного посапывания за занавеской. Утомленная Донна спала крепко, сладко причмокивая и бормоча обрывки странных фраз. Часть этих выражений Даша уже вполне понимала – в части сексуального образования ночь прошла весьма насыщенно. Ни в Интернете, ни на порнушных DVD-дисках Даша ничего подобного не слыхала. От воспоминаний явственно подташнивало. Девочка попила теплой воды и отправилась во двор. По-прежнему лил дождь. Небо плотно затянуло тучами. К сожалению, было достаточно светло, чтобы Даша пожалела об этом, – при свете дня отхожее место выглядело еще убийственнее. Рыдать в этой вони было глупо, и девочка поплелась в «свою» комнату. С кухни гостиницы тянуло подгорелым маслом и съестным. Дашу снова замутило, на этот раз от ужаса и голода.

В комнате сидела, зевая и почесываясь, Донна.

– Рано встаешь, – одобрительно сказала она. – Я тоже привыкла спозаранку вскакивать, даром что вчера вечерок удачный выдался. Пойдем в «Петуха» позавтракаем?

– Спасибо. Я лучше потом.

– С деньгами тухло? – догадалась Донна. – Ну, сиди. А то хочешь, принесу что-нибудь на медяк? Или ты вовсе без гроша?

Деньги у Даши были – серебряная монетка, оставленная Мари на всякий случай. Но разменивать ее сейчас было бы безумием. Вот сестра вернется, тогда сообща можно будет решить.

* * *

Серебро с помощью доброй соседки, Даша разменяла на третий день. Есть хотелось невыносимо, и наполнить пустой желудок водой уже никак не удавалось. Сердобольная Донна еще вечером принесла ломоть хлеба, и принимать подавание от нее и в дальнейшем было уже совсем стыдно.

Даша угостила соседку кунжутом в меду – самым дешевым, что могло сойти за лакомство. Сама понемногу отщипывала свежий хлеб.

– Глупая ты, – грустно сказала Донна. – Сидишь, плачешь. Все ждешь чего-то. Бросила тебя подружка, чего тут гадать?

– Может, с ней случилось что, – пробормотала Даша. Плакать уже не было сил.

– Если б что случилось – мы бы узнали. У нас здесь столица. Если убьют – всегда известно. Кто, чего и зачем – это, понятно, никто не скажет, не расскажет. Но если прирезали, то уж наверняка узнаем. Здесь тебе не дикие места, – заверила Донна. – Каннут – это Каннут. Что в господской части города делается – нам без надобности. Ну а про нас, про шлюх, все как на ладони.

– Она не шлюха, – упрямо прошептала Даша.

– Ха, ты кому рассказываешь? Что я, шлюху по глазам не отличу? Слава богам, уже пять лет на спине работаю. Это вот ты – непонятно кто. Нос у тебя забавный, глаза необычные, имя – вообще лошадиное.

– Почему лошадиное?

– Тебе виднее почему. У женщин таких имен не бывает. Аша – еще туда-сюда. Даша – смех один. Да ладно, если работать надумаешь, имя поменять пара пустяков. А то клиенты над твоей лошадиной кличкой только хохотать бесплатно и будут.

– Я под мужчинами работать не буду, – тихо сказала Даша.

– Это почему? – поджала губы Донна. – Брезгуешь? Благородную честь блюдешь? Видела я, как такие кочевряжатся поначалу.

– Я не кочевряжусь. И не брезгую. Мне вера не позволяет. Честное слово. Никак я не могу.

– А, так ты с верховьев? – догадалась Донна. – Слышала я про ваших. Дивное дело. Да, девочка, нелегко тебе в Канноте придется. Что, и «голову давать» тебе никак нельзя?

– Нельзя, – слабо улыбнулась Даша. – Да и не получится у меня.

– Почему это не получится? – возмутилась Донна. – Ты, конечно, костлявая ужасно. Краше на живодерню сводят. Зато свеженькая. Глаза, опять же, необычные. Любители найдутся, не сомневайся. А боги сейчас, может, и вовсе в другую сторону смотрят. У богов забот много. Жить-то тебе надо, а?

– Я уж как-нибудь по-другому.

– Ну, жди-жди. Не вернется твоя подружка, вот увидишь.

Мари не возвращалась. Пришлось продать туфли. К удивлению Даши, за потрепанные шлепанцы удалось выручить приличную сумму денег. «Диковинка» – как объяснила посоветовавшая, в какую лавку обратиться, Донна. Действительно, еще одну пару обуви на пластиковой подошве в Канноте, наверное, найти было трудно. К сожалению, остальные предметы одежды продать оказалось невозможно – и юбка, и блузка превратились в бесформенное тряпье, грозящее расползтись на отдельные гнилые нитки. Из вещей прежнего мира оставался еще плеер. Выглядел он совсем как новый – почему-то переход в ад внешне не повлиял на умолкшую игрушку. Но плеер Даша твердо решила сохранить до самой смерти. Нужно же держаться за что-то реальное?

Нет, здешний мир был реальным. Даже слишком. Теперь Даша плакала редко. Темные полкомнаты стали домом. Огромные клопы уже не пугали – на самом деле черныши оказались насекомыми безвредными, на людскую кровь не покушающимися. И наблюдать за ними было любопытно. Даша следила за размеренной семейной жизнью насекомых, слушала отнюдь не семейные звуки из-за занавески. Донна теперь заимела привычку комментировать поведение только что отбывшего клиента. Даша находила в себе силы хихикать над яркими комментариями соседки на предмет классификации и разнообразия мужских пород. Благодаря соблазнительным телесным объемам и веселому нраву гости у Донны не переводились, но теперь звуки эротического труда за занавеской не мешали Даше спокойно спать.

За жилье девочка уплатила за десять дней вперед. На хлеб и яблоки, которыми теперь питалась Даша, тоже пока хватало. Но что делать дальше?

Чем может заняться не приспособленная к здешней жизни одинокая девочка в чужом городе? Пойти в прачки или судомойки? Опыта не хватает. Даша выстирала собственные одеяла, заодно рискнула простирнуть жутковатую постель Донны. Соседка порадовалась и даже назвала Дашу «жутко хозяйственной девицей», но сама добровольная прачка хорошо понимала, что ей просто не хватит мужества день за днем полоскать и выжимать грязные простыни и одеяла. Вообще, насчет работы в Канноте дела обстояли не очень просто. Даша не могла до конца разобраться во всех странностях и тонкостях местных обычаев. Начать с того, что многими делами в городе занимались профессионалы. В смысле – не люди. Даша испытала шок, осознав, что всеми пивными-алкогольными делами в «Прохладном роднике» заведует до жути странное носатое существо. Ростом с восьмилетнего ребенка, коротконогое, с шевелюрой лохматых волос, обладающее тихим писклявым голосом, ОНО таскало на поясе ключи от погреба и даже командовало двумя ленивыми работниками «Родника», когда приходила пора менять бочки или загружать в погреб кувшины с фруктовыми настойками. ОНО называлось – клуракан. ОНО-ОН явно заявилось из сказки, было определено живым, нелюдимым и страшно не любило разговаривать с посторонними людьми. Даша вяло пыталась классифицировать пивного специалиста – ну гуманоид, ну разумный. Что толку? На телевидение любительскую видеозапись все равно не пошлешь. На самом деле, ИХ, гуманоидов, было в городе много. Симпатичные невысокие никсы, квадратные коренастые томте, насмешливые коблинаи. Одни занимались речными перевозками, и их услуги высоко ценились даже самыми опытными капитанами торговых барок. Другие нелюди умели ухаживать за заболевшим скотом.

Третьи были самыми умелыми канавокопателями и устроителями всяких сложных канализационных устройств. Рядом с людьми существовало еще множество странных существ. Нельзя сказать, что они попадались на каждом шагу, но Даша уже перестала вздрагивать, сталкиваясь во дворе «Прохладного родника» с кем-нибудь невысоким и заросшим так, что глаз не разглядеть. Люди относились к чудному народцу снисходительно, посмеивались, но однозначно признавали полезность существования мирных дарков. Как поняла Даша, к даркам относилась вся та уйма существ, не принадлежащих к людскому племени и в то же время не являющихся безмозглыми животными. Еще дарков называли «ночным племенем». Почему, было не очень понятно. Возиться с пивом клуракан предпочитал днем, как и нормальные люди. По слухам, были еще другие, «немирные» дарки. О них рассказывали настолько жутковатые истории, что в их правдоподобие не очень-то верилось. Иногда Даша вспоминала голубоватого червя-клубка, виденного первой ночью еще там, за рекой. Ни о чем подобном в городе слышать не приходилось. Впрочем, кроме Донны, девочка мало с кем разговаривала. Сама Донна любила приврать что-нибудь наивно-страшное. Уверяла, что за городом никто не осмеливается ночевать в одиночестве – верная смерть. Даша не возражала. Какая разница?

За косяком двери торчала палочка, и Даша каждое утро аккуратно выцарапывала на ней очередную зарубку. Их было уже двенадцать. Двенадцать дней в одиночестве.

Нужно как-то жить. Даша говорила это себе сто раз в день, но жить все равно не хотелось. Какой смысл? Снова будут идти теплый отвратительный дождь, шепуршаться клопы, стонать и вскрикивать за занавеской Донна. И каждый день одинокая несчастная девочка будет натягивать на себя платье из грубоватого бледно-коричневого полотна, совать ноги в тряпочные тапочки-башмачки – и то, и другое – самое дешевое из одежды, что нашлось на рынке. И большую часть дня девочка будет бессмысленно сидеть на табуретке. Два раза в день позволит себе кусок хлеба и яблоко. Пока останутся деньги...

– Донна, я через два дня съеду, – сказала как-то утром Даша.

Соседка фыркнула и закончила то, что она называла «утренним умыванием». Воды при этом тратилось не больше чем на купание воробья. Донна отдернула занавеску и, вытираясь многоцелевой тряпочкой, огорченно сказала:

– Вот как? Жаль. Я к тебе привыкла. Ты девка хорошая и соседка что надо. Ты работу нашла или деньги?

– Я, наверное, в верховья пойду. Домой...

– Сдурела?! Сейчас же разгар дождей. Кто же тебя сейчас вверх возьмет? До ближайшего «корыта», что наверх двинется, дней тридцать, не меньше. Это даже я знаю, – Донна внимательно посмотрела в лицо девушке. – Ты что придумала? Пешком идти? Взрослая девка, замуж пора, а ума как у жужелицы навозной.

– У меня деньги кончаются, – тихо сказала Даша.

– Тьфу! – Донна сплюнула в угол. – Тоже повод подыхать нашла. Не хочешь работать как нормальные девки, мы тебе другое занятие найдем. Конечно, не разбогатеешь, но что-нибудь получше хлеба черствого во рту окажется. А то подумай – вон, я уже серебра на половину фермы наскребла. Неплохо за два года, а? Еще чуть-чуть, и начну мужа с правильными руками подыскивать. У меня бабка знаешь, какой картофель выращивала? Я не хуже смогу. И ты, пока молодая, подзаработала бы. Вон, меня вчера насчет твоих серых глаз спрашивали – мол, сколько берешь? Чем слюни на свои сухари сухие переводить, могла бы чего иное в рот потянуть...

Дашу замутило.

– Ладно-ладно, не бледней, – поспешно сказала Донна. – Странные у тебя боги, странные обычаи. Ну да то твои заботы. Я своего Старца раз в год поминаю, а он ничего – все одно помогает. Глупая ты. Зато чистоту любишь. Подожди, на днях найду я тебе крышу над головой...

* * *

Работу для бестолковой соседки Донна нашла на следующий же день.

– Я сказала – ты от мужчин бегаешь. Целомудрие блюдешь. По дому будешь очень старательная. Нынче таких в городе немного. Согласились тебя посмотреть. Баба одна одинокая, я ее давно знаю. Условия такие – еда, понятно, хозяйкина. Тебе в месяц – «корона» медью. Раз в год получишь платье и башмаки. Хозяйство там небольшое. Справишься. И главное – тебя никто лапать не будет. Самое то, что ты хотела. Не волнуйся, покажешь себя хорошо – сразу получше хозяева найдутся. Хорошая прислуга всегда ценится.

– Спасибо, Донна. Мне подходит.

– Да чего ты благодаришь? – смущенно сказала Донна. – Тебе б чего получше, почище найти. Разве это работа для молодой девки? «Корона» в месяц? Курам на смех. Разве что спокойно жить будешь

– Я справлюсь. А дальше видно будет.

– Это правильно, – одобрила Донна. – Ты хоть и медленно соображаешь, но девка неплохая. Выкарабкаешься...

Вечером Даша купила на последние деньги кувшинчик с яблочным пивом. Донна уделила время между бесконечными клиентами и напоследок посидела с юной соседкой. От пива у Даши слегка закружилась голова. Донна тоже раздумянулась и живо рассказывала о своем недавнем свидании с любвеобильным коблинаем. Оказывается, эти работники не только копать резво умеют.

– Слушай, Донна, – пробормотала захмелевшая Даша. – А как ты не боишься? Ну, «залететь» от этого коблиная. Ведь родится тогда непонятно что.

– Чего тут бояться? – удивилась Донна. – Конечно, многие на постель с дарком смотрят косо. Но я-то без предрассудков. Лишь бы платили исправно. А если насчет «залететь» – так до полнолуния еще дней десять.

– Полнолуние здесь при чем? – не поняла Даша.

– Как при чем? От какого колдовства я понесу дитя, если «трех дней» еще ждать и ждать?

– А... я думала, ты как-то... Ну, предохраняешься... – промямлила Даша.

– Чего предохраняешься? – не поняла Донна. – Детей в обычные три дня полнолуния зачать можно – это каждый младенец знает. Хоть под мужика ложись, хоть под дарком подмахиваешь. Под «ночным» еще умудриться понести надо. Редкий случай, слава богам. Ты чего спрашиваешь-то? У вас что, в верховьях, по-другому?

– Ну, – пробормотала опомнившаяся Даша. – У нас говорят, что с дарками по-разному бывает.

– Эх вы, темнота, – засмеялась Донна. – Уж поверь мне – ни одна баба, кроме как в три лунных дня, затяжелеть не сможет. А дарки или не дарки – хрен у всех похожий. Удовольствие, правда, разное. От оплаты зависит...

* * *

Утром Донна придирчиво осмотрела девушку:

– В общем – ничего. Но волосы у тебя... Прямо солома, из конюшни выметенная.

– Я мыла, – испугалась Даша.

– Конечно. Да разве у нас здесь помоешься? В баню бы тебе надо. Но это денежек стоит. У тебя, понятно, нету. Ладно, постой, я тебя подровняю.

Даша покорно ждала. Оглядела привычную комнату. Пусто. Только веник, связанный из веточек акации, в углу стоит. Подмела напоследок, и больше тебе здесь делать нечего. Страшно. Может, еще не наймут? Что тогда делать?

Вернулась Донна с большими ножницами. Ворча: «За все платить нужно. Обнаглели совсем!» – усадила девушку на табуретку.

Даша смотрела, как на колени падают серые прядки. Ужас, не волосы – хвостики мышинные. В зеркало девушка смотрела в последний раз еще в прошлой жизни. В светлой, дозагробной. У Донны вообще-то имелся мутный осколок. Здесь зеркала не меньше чем на вес серебра идут. Ну, Донне, как профессионалке, весьма необходимый предмет. А тебе зачем себя разглядывать, на рожу покойницы любоваться? Ты и при жизни мышью была.

– Так-то получше будет, – удовлетворенно сказала Донна и в последний раз шелкнула ножницами.

Даша подмела хвостики-волосы, и Донна повела ее к новому месту жительства.

* * *

Улица узкая, кривая. Лужи. Дома-хибары. Невдалеке маячит городская стена.

– Ты здесь лучше в темноте на улицу не высывайся, – предупредила Донна. – Здесь и без дарков-кровососов жизни лишишься и даже охнуть не успеешь. Ну, ты-то вообще гулять не привыкла. Затворница.

Они подошли к старому домику. Почерневший и покосившийся забор, за ним крыша чуть повыше забора.

– Не дворец, – кивнула Донна. – Зато никакие воры не полезут. При первой возможности перебирайся куда получше.

На стук в щелястую калитку послышались неторопливые шаги. Дверь распахнулась, и на улицу высунулась черноволосая женщина средних лет. В левой руке у нее была короткая дубинка, правую хозяйка дома держала за спиной. Окинув взглядом исподлобья гостей, женщина коротко буркнула:

– Не пойдет. Тоща больно. Наверняка червь в животе.

Дверь захлопнулась. Послышались удаляющиеся шаги.

Донна и Даша переглянулись. Девочка прошептала:

– У меня глистов, в смысле червей, нет. Честное слово.

– Да знаю я, – с досадой сказала Донна и снова заколотила в дверь.

– Еще раз стукнешь, я из твоей продажной задницы плоскую лепешку сделаю, – сердито сказал голос откуда-то с середины двора.

– Эле, сама ты – жопа старая, – не менее сердито ответила Донна. – Ты что, вежливо отказать не можешь?

– Вежливо я только в морду дать могу. Когда на службе, – объяснила невидимая хозяйка. – А сейчас я дома, выходит, вежливой быть не обязана.

– Ну и дура, – с обидой сказала Донна. – Ты искала работницу, я тебе привела. По такой грязи притащилась. Мы сейчас уйдем, да только ты никого дешевле на свои гроши не найдешь.

– Может, и не найду. Но с червями мне не надо. Они заразные, – равнодушно сказала хозяйка.

– Эле, ты сколько лет меня знаешь? – сердито сказала Донна. – Нет у нее никаких червей. Я с ней в одной комнате жила, знала бы. Что я тебе, врать буду, что ли?

– Вообще-то ты шлюха честная, – неохотно признала хозяйка. – Но чего твоя девка такая тощая?

– Да с верховьев она. Там они все шальные, со странностями. И боги ихнии такие же. Девчонка с мужиками не гуляет, ест один хлеб да воду. С чего бы ей раздобреть?

– Хлеб? – с сомнением переспросила хозяйка и распахнула дверь. – Червя точно не прижила?

Даша отрицательно замотала головой.

– Ладно, – неохотно сказала хозяйка. – Условия знаешь?

– Знает она все, – поспешно сказала Донна.

– А она сама немая, что ли? – поинтересовалась черноволосая работодательница.

– Нет, – пробормотала Даша. – Мне спокойная работа нужна.

– У меня – спокойная, – хозяйка еще раз с сомнением осмотрела девушку. – Спокойная, но не для ленивых. Ладно, заходи.

– Не трусь, – прошептала девочке Донна.

– Спасибо тебе, – прошептала в ответ Даша и шагнула в низкую дверь.

Дверь тут же захлопнулась, хозяйка одной рукой заложила брус засова и уже в запертую дверь сказала:

– Слышь, Донна, если девка подойдет – с меня причитается. Не забуду.

– Ну и жопа ты, Эле, – слышно было, как Донна зашлепала по грязи вдоль улицы.

Хозяйка ухмыльнулась и повернулась к Даше:

– Вижу, вещей у тебя немного. Хорошо. Вон там, – она ткнула дубинкой за дом в угол крошечного двора, – у меня кабан. Не знаю, есть ли червь у тебя, но у этого хрюкливого уroda он точно имеется. Не толстеет кабан, чтоб ему... Делай что хочешь, но к осени он должен весить как нормальный боров. Дальше. Вода в доме всегда должна быть. Я, в отличие от некоторых, люблю умыться. Чтобы тот бочонок и два ведра все время полными стояли. И вода чтобы чистая, не вздумай дождевой разбавлять. Двор – каждый день дочиста вылизан. Тут два шага в любую сторону, справишься. Пошли в дом...

Перед входом Даша стащила с ног размокшие грязные тапочки. Хозяйка одобрительно кивнула:

– Это правильно. Я не из господ, но грязь терпеть не стану. Еще я мужиков на дух не переносу. Сюда им вход заказан, так и заруби себе на носу. Тебя как зовут?

– Даша.

– Что за кличка лошадиная? – удивилась хозяйка.

– Так у нас в верховьях... – пробормотала Даша.

Хозяйка хмыкнула:

– Ты думай кому врешь. Я в верховьях не раз бывала. Там таких, как ты, сроду не видывали. Сказала бы, что с севера, – я, может быть, и поверила. Там кто только не водится. Кто тебе так аккуратнo нос сломал? Мода какая дурная, что ли? Ладно, не важно. Ты мне лучше не ври. Молчи, и все. Мне все равно, откуда ты взялась. А вот меня ты выслушай внимательно. Если что украдешь – поймаю и шею вмиг сверну. Веришь?

– Верю, – без раздумий сказала Даша. Она смотрела на правую, изуродованную руку хозяйки. Должно быть, старый перелом плохо сросся – из предплечья выпирало что-то вроде ложного сустава. Даша в таких вещах разбиралась плохо, но было очевидно, что хозяйка дома с трудом двигает рукой.

– Ты на это не смотри, – грозно посоветовала Эле. – Я и одной рукой с кем угодно справлюсь.

– Понимаю, – кивнула Даша. – Вон у вас какая дубинка.

Эле усмехнулась:

– Дубинкой я тебя калечить не буду. Без червя внутри ты враз переломишься. Спать будешь вон там, за загородкой. Надо думать, по юному возрасту, ты храпеть не станешь. Не люблю, когда спать мешают. Все, поболтали – берись за работу. Со двора начни. Мне скоро на службу. Завтра с утра на рынок тебя отведу. Покажу, что и где покупать. За деньги до последнего медяка будешь отчитываться.

Глава 2

Василь Васильич догадался, что чистка закончилась, и вопросительно хрюкнул. Даша отложила давно облысевшую скребницу и сунула кабану огрызок яблока. Васька благодарно чавкнул.

– Ты хоть бы «пятак» свой во двор высунул, – посоветовала воспитаннику девушка. – Скоро не развернешься в загоне.

Василий Васильич равнодушно промолчал. Даша и сама понимала, что совет неуместный и даже прямо противоречащий поставленной задаче. Смирно жиреть кабану положено, а не пытаться вырваться во двор и там свинячить. Хватит уже, было, натворил дел. Забор чуть не проломил – экая крупногабаритная скотина вымахала. Но относиться к Василию, как к груде мяса и сала, которую необходимо в скором будущем выгодно продать, девушка все равно не могла. Вроде свой, и соображает что-то. Ну да куда от поросычьей судьбы уйдешь?

Даша закрыла загон, поставила ведро на место. Двор подметать не хотелось – пыль поднимется, как от смерча. Уже дней сорок стояла адская жара, даже в тени сарая земля пошла тонкими трещинами. Вода подорожала – уже пол медного «щитка» за ведро. Прямо жуть. Вроде и лето кончается, все говорят, что вот-вот дожди польют, а пойдешь дождей этих дождей.

Лето в Канноте было долгим – сто пятьдесят душных дней, полных мух и воплей назойливых вороватых попугаев. Даша привыкла к мысли, что месяца здесь длинные. Именуются без затей – Первый месяц лета, Второй и так далее... Хотелось дождичка. И постоять под струями можно, и на ненасытном водохлебе Василь Васильиче сэкономить. Сейчас через день Даше приходилось ходить с ведрами на реку. Вода там, понятно, бесплатная, но на нее и смотреть противно – дерьмом и дохлятиной в нос так и шибает. Даже кабану наливать боязно. Да и шагать до ближайших Бочарных ворот не очень-то близко. К прогулкам с тяжелыми ведрами Даша привыкла, но смысл какой? Плохо жить на Западном углу – здесь речная вода хуже помоев, со всего города вода нечистоты собрала и к далекому морю уносит. Когда еще воды великой реки Оны всю гадость очистят-растворят. Зато на Западном углу самая дешевая земля. Только из-за этой дешевизны Эле, когда настоящую службу потеряла, смогла на домик наскреести. А не наскребла бы серебра хозяйка – что ты, Дарья Георгиевна, в этой жизни бы делала?

В последнее время жизнь шла спокойная. О смерти своей Даша не забыла, но вроде как притерпелась к загробному существованию. Солнце печет, Василий хрюкает, оладьи пекутся – почти жизнь. Можно сказать, повезло с чистилищем.

– Что ты на солнцепеке торчишь, да еще в полуголом виде? – распахнув дверь, строго поинтересовалась Эле. – Мне идти пора, давай помоги.

– Иду, – Даша нырнула в тень дома. Хозяйку девушка уже давным-давно не боялась. Хорошая тетка. Голос, конечно, как у рыночного стражника-десятника, – так Эле иначе и нельзя. Служба обязывает

– Что там твой Вас-Вас поделывает? – поинтересовалась Эле, садясь за стол и подставляя «плохую» руку.

– Что ему? Хрюкает да еще пожрать выпрашивает, – сказала Даша, осторожно надевая на искалеченное предплечье хозяйки кожаный наруч.

– Да уж, хрюкает, подлец, – проворчала Эле. – Осенью мы его еще подкормим. А потом придется продавать. Он нас объест, скотина тупая. После дождей хоть и корм почти дармовой будет, но ему ведь не напасешься.

– Продадим, – согласилась Даша, затягивая-зашнуровывая ремешки наруча. – Он после дождей весу наберет, что тот бегемот.

– Продадим, угу, как же. Опять сопли распустишь. Знаю я тебя. И не ругайся, – строго добавила Эле. – Набралась гадостей. Я и в банях-то таких ругательств не слыхивала.

– Это не ругательства. Бегемот – это такой толстый дарк. Дикий.

– Тем более. Толстый дарк – это похуже любой ругани. Глупая ты, Аша. И когда повзрослеешь? Ведь не возьмут замуж.

– Очень надо, – буркнула Даша и, чтобы уйти от неприятной темы, спросила: – Не жмет? Или туговато?

– В самый раз, – Эле подвигала стянутой рукой. Наруч не только скрывал уродливый бугор, но и фиксировал несросшиеся кости, так что действовать рукой можно было почти свободно. Наручи Эле носила и раньше, но только с помощью девчонки могла их по-настоящему зашнуровать. Облегчение было великое – боль теперь грызла руку только при неловком движении или толчке. Эле даже слегка помолодела в последнее время.

– И что я без тебя делать буду, Даша-Аша? Зубами мне эти ремешки завязывать навостряться, что ли? Разнежила ты меня.

– Мне нетрудно, – пробормотала Даша. – Что тут говорить, хозяйка?

Эле вдохнула:

– Недолго мне хозяйкой быть. Замуж тебе нужно, и чем быстрее, тем лучше. Что тебе со мной киснуть? Не ребенок уже.

Даша дипломатично промолчала. Разговор о совершенно ненужном замужестве заводился уже не в первый раз, и обе женщины знали, что не в последний. Вбила себе в голову хозяйка глупую мысль, и теперь уже ничего с ней не поделаешь.

– Что молчишь? – поинтересовалась Эле. – Знаешь ведь, что не отмолчишься.

– Я не молчу, – пробурчала Даша. – Ты тоже все знаешь. Я говорила.

– Что знаю?! – немедленно взъелась Эле. – Знаю я! Здоровая девка не должна время терять. Детей надо рожать, приличного человека найти и двумя руками за него держаться.

– Я за тебя с Вас-Васом держусь.

– Ой, лучше заткнись, – Эле скривилась. – Ты мне тоже не чужая. Потому и забочусь. Все, я пошла служить. А ты думай. Найдем кого-нибудь тебе попримечней. Уж конечно, не твоего поганца лохматого.

Эле надела поверх застиранной рубахи кожаный жилет, засунула за ремень короткую дубинку и направилась к калитке.

– Аша, на рынок завтра вместе пойдем. Спозаранку не вскакивай. И смотри, если узнаю, что твой жулик опять здесь вертелся, – все ребра ему переломаяю. Так ему и передай. Поняла?

– Поняла, поняла, – Даша заложила засов и послушала, как Эле, ворча, удаляется по улице.

Поворчать Эле любила. Умная баба, а жизнь у нее не сложилась. Не повезло хозяйке с рукой. А так ведь и на лицо, если присмотреться, очень симпатичная. Да и на ноги, приоткрытые недлинным подолом, мужики до сих пор косятся. Правда, глазают до тех пор, пока в сердитое лицо не глянут да дубинку у пояса не разглядят.

Служила Эле надзирательницей в банях. В тех, что у Земляного канала построены. Заведение не из шикарных, но и особой разнузданностью нравов не отличается. В женской половине в основном мелкие купчихи собираются, торгашки с рынка, что попримечнее, да жены королевских солдат. Любительниц понежиться в теплой воде да языки с подружками почесать всегда хватает. Случаются и склоки с руганью да хватанием за волосы, воровство и прочие непотребства. Тут Эле и вмешивается. Обычно до дубинки дело не доходит – так, гаркнет черноволосая надзирательница-охранница пару раз, и все. Голос у нее правильный – вмиг все утихают. Даша так и не поняла, где хозяйка раньше служила – до руки искалеченной и до бань... Понятно, что всю полноводную Ону от устья до верховья на кораблях успела пройти. И уж точно не шлюхой барочной, что только ноги умеют раздвигать. Но молчит, не рассказывает, а кто такая Даша, чтобы у хозяйки выпытывать? Пусть хозяйка уже почти подругой стала.

Даша повозилась с хозяйкиным башмаком – с трудом, но зашила. Кожа на заднике совсем истончилась – дожди пойдут, долго обувка не протянет. Хорошо хоть иголка не сломалась. Ладно вода, а почему иглы-то дорожают? В чем права Эле, так в том, что денег все время не хватает, как ни экономь. Инфляция у них здесь, что ли? Слов таких не знают, а цены вверх лезут и лезут. Надо бы тебе, бестолковой служанке, еще где-нибудь подрабатывать. Принесешь пару «корон» – глядишь, и замуж не выпихнут.

Даша фыркнула и пошла присобачивать на место покосившуюся доску забора. Топор – смотреть противно. Опять же, все в деньги упирается. Нет уж, замуж Даша точно не пойдет. Где это видано – в пятнадцать лет под мужика навечно ложиться? Мало ли что у них в одиннадцать лет девчонка уже невеста. Ты, Дарья, хоть и мертвая, но из другого мира. Семейные традиции не позволяют так поспешно замуж выскакать. Тем более, толпы претендентов что-то не наблюдается. Мезальянс мало кого привлекает, особенно когда невеста экстерьером не вышла.

Даша поморщилась. Пора бы забыть умные ненужные слова.

Гвоздь выпрямлялся с трудом. Даша терпеливо обстукивала четырехгранное гнущее железо на обломке каменной плиты. По пальцам уже давно научилась не попадать. Эх, сюда бы тот молоток с желтой ручкой, что на даче бесполезно валялся. Стоп. О таком думать незачем.

...Я вьелся в жизнь как купорос,
Я вырос тут, и тут же я врос.
И вот стою во дворе, жажду любви...

Гвоздь неохотно приобрел пристойные очертания. Даша поправила щербатую доску, примерилась и начала осторожно вбивать гвоздь.

– Сейчас все целиком завалится, – предостерег знакомый голос со стороны улицы.

Костяк явился – он же поганец лохматый, жулик, ворюга бесстыжая и еще обладатель длинного списка эпитетов, щедро присвоенных парню злопамятной Эле. Ухажер незванный.

– Так придержи с той стороны, – сурово сказала Даша. – Лучше камнем, пусть гвоздь загнется.

– Я могу. Но обычно гвозди снаружи вбивают. Так крепче выходит – и угол правильнее, и цепляет лучше.

– Геометр хренов, – проворчала девушка.

– Не ругайся, – обычным безмятежным тоном сказал Костяк. – Я тут немного гвоздей принес.

– Я тебя просила?

– Да я их не покупал. У моста нашел. Смотри, какие гнутые.

Рядом с Дашей звякнули переброшенные через забор гвозди. Действительно – закорюки. Явно и не купил, и не спер.

– Мерси, – неохотно поблагодарила девушка. – Дверь открывать не буду. Обещала. Сам понимаешь...

– Понял, – Костяк был отлично осведомлен, что подружка никогда не врет хозяйке и целиком выполняет то, что обещала. Впрочем, парня запертая калитка не слишком смутила.

– Ты гвозди пока выпрямляй потихоньку. Я сейчас...

Даша только головой покачала и принялась колотить по гвоздю. Избавиться от Костяка было решительно невозможно. Он был упорен и приставуч, как репы далекой досмертной родины.

Даша уже справилась с двумя гвоздями, когда в сарае недовольно хрюкнул потревоженный Вас-Вас, и едва слышный шум оповестил о том, что лохматый поганец проник на частную территорию. Как он умудряется это делать, Даша так и не могла понять – со всех сторон двор

Эле плотно обступали лачуги обитателей Западного угла. В двух дворах даже обитали редкие в Канноте собаки. На редкость криволапые и злющие зверюги. Шуму от них бывало побольше, чем от целой своры нормальных барбосов, известных Даше по старому миру. Но Костяк перебирался через заборы и крыши так бесшумно, по-хозяйски, что не только псы, но и многочисленные любознательные соседи ничего не видели и не слышали. Вообще-то, перескочить через забор с улицы и сразу оказаться во дворе парню ничего ни стоило. Но он благородно не желал компрометировать упрямую Дашку. Заботится, чудаки.

– Привет, Даша, – вежливо поздоровался Костяк, приседая на корточки рядом с девушкой.

– Вчера, значит, я от тебя отдыхала. А сегодня – хватит, да? – пробурчала Даша, косясь на гостя. Костяк выглядел как обычно – торчащие дыбом седовато-пыльные волосы, узкое лицо. Мосластые руки обманчиво бессильно свисают на колени. Рубаха с оборванными рукавами, дырявые штаны, стоптанные мягкие башмаки...

– Ну и видик у тебя, багдадский вор. Вокруг города бегал, что ли?

– Багдадский – это где? – хладнокровно поинтересовался Костяк.

– Далеко, – буркнула Даша и принялась лупить обухом неуклюжего топора по гвоздю.

Костяк не мешал, сосредоточенно наблюдал. Лишь в перерыве Дашиного звяканья посоветовал сдвинуть гвоздь на край камня. Девочка послушалась. Костяк глупых советов не давал – это хорошо проверено. Он вообще был, кажется, самым сдержанным и молчаливым человеком, которого знала Даша и до смерти, и после.

Костяк объявился еще весной. Даша тогда даже не поняла, на кого Эле так орет у калитки. Скандалов в Западном углу хватало. Даша тогда прожила у Эле всего дней десять и еще всерьез побаивалась резкую хозяйку. К тому же сильно текла крыша, и Даша возилась с глиной и соломой, пытаясь заделать щели. Дня через два Костяк подстерег девочку, когда Даша возвращалась от бассейна у колодца с купленной водой.

– Привет, Даша, – лохматый голодранец старательно выговорил ее имя.

Девочка шарахнулась, и парень ловко подхватил слетевшую с ведра крышку.

– Ты меня знаешь, – сообщил злоумышленник, возвращая крышку на место. – Мы из-за реки вместе возвращались.

– Да? – Даша вроде бы вспомнила это костлявое лицо, но спокойствия это не прибавило. – А, спасибо за сухарь. Очень вкусный был. Я пойду?

– Конечно, – парень пошел рядом. Он был на голову выше девочки, и Даша чувствовала себя обреченным цыпленком.

Что этому дураку нужно?

– Меня Костяк зовут, – сказал Лохматый. – Я чего хотел спросить – твоя подружка совсем исчезла?

– Совсем, – зло сказала Даша. – Не знаю, где она. Не видела, не слышала. Тебе от меня что нужно?

– Ничего. Ребята интересовались, где твоя подруга ту штуку блестящую взяла.

– У этих... у речников стащила. А у меня ничего такого нету, – Даша отчаянно вцепилась в веревки ведер.

– Я знаю, что у тебя ничего нету. Иначе чего б ты в «Ручье» от голода помирала. Только у речников тоже той шкатулки не было. Мы их... того, спросили...

Даша со страха поскользнулась в луже.

– Ты не бойся, – быстро сказал Костяк, – я без плохого тебя спрашиваю.

– Следили за мной тоже без плохого? – вздрагивающим голосом спросила девочка.

– Никто не следил. Только я интересовался. А насчет той шкатулки хитрой – дело прошлое. Странно, что твоя подруга, считай, нам ее просто подарила. Вещь-то ценная.

– Я ее и не видела, – решительно сказала Даша. – Мало ли кто чего сворует? Я и с той девкой случайно рядом оказалась. Сами ищите. И иди отсюда, меня хозяйка ругать будет.

– Понял. Я еще загляну, – сказал Костяк, повернулся и зашлепал по лужам.

Придя домой, Даша первым делом достала спрятанный под койкой плеер, тщательно завернула и перепрятала, закопав в сухую глину под стеной. Фиг кто теперь найдет. Хоть пытайте.

Костяк появился тогда дней через пять. Подтянулся на заборе, спросил, как дела, и протянул свернутый фунтиком лист, полный сладких орешков. Осмелевшая за защитой забора, Даша немедленно швырнула кулек обратно и решительно заявила, что никаких угощений ей не надо, и вообще пусть Лохматый проваливает, откуда пришел, или Даша хозяйке пожалуется. Костяк спорить не стал. В щель Даша заметила, что орешки он умудрился поймать и спрятать под рубаху. Потом Лохматый вежливо приподнял ладонь в знак приветствия и, отсалютовав забору, неспешно пошел по улице.

В следующий раз Лохматый перепугал Дашу, оказавшись среди бела дня сидящим на крыше сарая.

– Уходи! – пискнула девочка, хватаясь за лопату. – Сейчас Эле позову!

– Не позовешь, – мирно заметил гость. – Она сейчас в своих банях. Бабищ моет.

– Ну и что. Я тебя сейчас сама... И стражников позову.

– Смелая стала, – с ноткой одобрения сказал Костяк. – Стражники, даже если припрутся, вряд ли меня догонят. А лопату ты об меня сломаешь. Зряшная трата.

– Слезь, – взмолилась Даша. – Крышу провалишь, кабана напугаешь. Мне потом чинить...

– Ты кабана умеешь чинить? – удивился Костяк, вмиг оказываясь на земле. – Ты из томте? Совсем не похожа.

– Идиот, – бессильно сказала Даша, ставя лопату на место.

– Это кто такой? – заинтересовался лохматый гость.

Долго он не задержался. Сказал несколько слов насчет прохудившегося ведра, с которым так долго мучилась девочка, и исчез. Ведро, как ни странно, Даше удалось потом заделать.

Заглядывал в гости Костяк неаккуратно. Очевидно, у него хватало и собственных дел. Подарков и угощений больше не носил, рук не распускал, никаких пошлых намеков не делал. Да и странно было бы ждать от него намеков. Не из уклончивых дипломатов был лохматый гость. С Эле парень никогда не пересекался. Лишь как-то раз Дашу после рынка остановила соседка, красноносая жена сторожа с зерновых складов. Долго и с удовольствием расписывала, как Эле кого-то била во дворе. Даша ничего не поняла. Хозяйка выглядела как обычно, разве что на службу ушла раньше. Через два дня явился Костяк. Синяков на нем хватало, а на ухе все еще виднелась запекшаяся кровь. Не зная, посмеяться или посочувствовать, Даша поинтересовалась – ничего ему не сломали? Парень, не вдаваясь в излишние подробности, кратко объяснил, что зазевался. Сам виноват. Поговорили о кабанах и жаре, и Костяк ушел.

Очевидно, в дальнейшем он относился к присутствию хозяйки куда осмотрительнее. Лишь как-то в середине лета Лохматый осторожно поинтересовался – не лупит ли однурукая банщица свою служанку? Даша возмутилась и бурно объяснила, что Эле хоть и очень строгая женщина, но добрей ее еще ого как поискать придется.

– Да я не спорю, – с несвойственным ему смущением обронил парень. – Просто она удивительно шустрая. И врезать по кости умеет...

Вообще-то, это был единственный случай, когда Даша видела своего «друга» смущенным. «Дружком» Лохматого уже открыто называли соседки. Особо не дразнили. То, что Костяк из «деловых», – секретом не являлось, а с городскими шайками мало кто хотел связываться.

Нужно сказать, о своих собственных делах Костяк никогда не упоминал. Даша знала, что он таскает под рубахой нож, но почти все мужчины Каннута носили ножи. Часто Даша вообще забывала, чем зарабатывает на жизнь Лохматый. Парень как парень, жутко дремучий и необразованный, но зато руками почти все может сделать. Говорили в основном о всяких хозяйственных проблемах, иногда Костяк рассказывал о речных пристанях – самом бурном и деятельном месте города.

Как-то вечером за ужином Эле пробурчала:

– Упорный этот твой оборванец, что клещ. И как ты с таким головорезом гулять можешь?

Даша подавилась кукурузной кашей:

– Я не гуляю. Я его вообще к себе не зову.

– Что ты раскашлялась? – поморщилась хозяйка. – Если бы и гуляла и развлекалась в меру – невелика беда. Ты молодая, чего уж... Только планы серьезные не строй. Какой муж из «делового»? Каждый день по лезвию ходит. А насчет развлечений – так это нормально. Сходила бы ты на реку, что ли. Или на ярмарку. Мне уж соседи в лицо говорят, что я тебедохнуть не даю, на цепи держу. Не могу же я всем объяснять, что ты сама такая затворница ненормальная, со двора шагу не сделаешь.

На реку Даша ходила, и даже не раз. С Лохматым, с кем же еще? Шли через весь город к чистой реке. Даша купила пирог с курятиной, Костяк купил десяток крупных персиков. Таких персиков Даша в этой жизни еще не ела, как, впрочем, и нежной курятины. Экономия. В основном они с Эле питались картофелем, кашами, иногда меню разнообразила мелкая и костлявая рыба черноперка.

За тот день девушка узнала о Канноте больше, чем за все предыдущие месяцы. Лохматый охотно показывал достопримечательности. Центральный город обошли стороной, но Даша рассмотрела черепичные крыши и легкие арки богатых домов. Королевский замок даже со стороны производил впечатление. Богато живут аристократы-эксплуататоры.

На реке было хорошо. Дул приятный ветерок. Прогуливались по мелководью забавные самоуверенные кулики. Скользили по водной глади барки и легкие одномачтовые парусники. На глинистом берегу людей почти не было. Даше жутко хотелось окунуться. Костяк без всяких просьб отвернулся и заверил, что подглядывать не будет.

Вода была теплой, мутноватой, но плыть было здорово. С воды город казался почти красивым. Оборачиваясь в очередной раз, Даша с удивлением заметила, что Костяк тоже лезет в воду. Что это он удумал? На девичьи прелести захотел полюбоваться? Нечем там особенно любоваться. Да и сильно стесняться и визжать Даша не станет.

Плыл Костяк так себе – неотработанный собаче-лягушачий стиль.

– Ты чего? – сердито поинтересовалась девушка.

– К берегу, Даша, – пробублькал парень. – Давай побыстрее.

Дашка выскочила на глинистый берег. Сверкнула розовой попкой – ну и что такого? Накинула платье.

– Что стряслось?

– Ты зачем так далеко поплыла? – Отдуваясь и сплевывая, Костяк присел на корточки. Со штанов ручьями текла вода. На костлявой груди Даша разглядела росчерки старых шрамов.

– А что такого? Там буйки, что ли?

– Не знаю, кто это. Но навы, омутники и манипо там точно есть. Уволокут, и моргнуть не успеешь. Еще аванки заплывают.

– Дикие дарки?! Сейчас? – Даша оглядела залитую солнцем реку. – Шутишь? Город в двух шагах.

– Ну и что? – пробормотал Костяк. Намокшие волосы гладким шлемом закрывали его глаза. – Ну, про аванка я приврал, их здесь, наверное, лет сто не видели. Да он и не дарк, просто ящер огромный. А остальные здесь. Куда они денутся?

– Так день ведь. И люди вокруг.

– Сейчас день. А ночью сюда ни один человек, что в своем уме, не заявится. Думаешь, дарки отсюда в устье на день уплывают? Ты же от берега шагов на сто отплыла. Да еще без оружия, – парень начал комкать свою рубашку.

«Стесняется своих ребер. Тощий, как я», – поняла Даша и пробурчала:

– Не подумала я. Глупая, как курица.

– Да ладно. Ты только больше так не делай, – Костяк вдруг заулыбался. – Ты здорово плаваешь. Где так научилась?

– В верховьях, – буркнула девушка, отжимая волосы. – Там у нас дарки дисциплинированные. Днем не беспокоят.

Парень моргнул:

– Я просто так спросил.

– Да ла-адно, – Даша постаралась скопировать интонацию Лохматого. – Пирог есть будем?

Они пообедали. Костяк разрезал персики своим узким ножом. Даша высасывала сочную мякоть. Поймала странный взгляд парня.

– Что такое?

– Глаза у тебя необычные. Кругом жара, а они холодные. Северные, как снег. Слышала про снег? Разве бывают такие глаза снежные?

– Ну, – нервно сказала Даша, – ты меня что, первый раз видишь? Глупости. Можно мне нож посмотреть?

Нож был – ничего особенного. Деревянная рукоять, гибкое лезвие. На оружие не очень похоже. В досмертной жизни ножи куда лучше качеством в любом сельском хозмаге продавались.

Не в качестве дело. Персик вдруг стал горьким. Даша сглотнула и спросила:

– Ты людей... ну...

Костяк неопределенно качнул острым плечом и, глядя на реку, пробормотал:

– Я мужчина.

Даша жутко обозлилась, главным образом на себя:

– И что значит – «мужчина»? Что ты людей режешь или что по шлюхам ходишь?

– И то, и другое, – как обычно спокойно согласился Лохматый.

Возразить Даше на это было, в общем-то, нечего.

– Честный ты до отвращения, – выдавила из себя девушка. И мстительно добавила: – Вот только плаваешь, как кутенок.

– Кто такой кутенок? – поинтересовался Костяк.

Заговорили о собаках. Дашу интересовало, почему в Канноте так мало собак. Выяснилось, что собачье племя очень не любит дарки. То ли жрут по ночам, то ли воруют – в общем, заводить псов в городе мало кто рискует. Одни хлопоты с ними. На Костяка произвело впечатление описание собачьих пород, что в изобилии обитают в «верховьях». В рассказ про догов он, похоже, вообще не поверил. Даша, может быть, в первый раз с удовольствием и без слез вспоминала о досмертном мире. Вряд ли Лохматый кому-нибудь еще перескажет такие неправдоподобные «бредни». Под болтовню Даша преспокойно доела персики и даже сама разрезала их бандитским ножом. Считать Костяка бессовестным маньяком-убийцей как-то все равно не получалось. Люди ведь здесь все дикие. Рассказать о моратории на смертную казнь – поверят не больше, чем в голошерстных догов.

Несколько дней Даша за работой все думала про городских бандитов и про то, как они живут. Эле права – ничего хорошего «деловых» не ждет. Рано или поздно поймают, значит – или тюрьма, или плаха. Казнили преступников каждую неделю. Специальная площадь для экзекуций у королевского замка имела. Даша там, слава богу, ни разу не была. Смотреть,

как живому человеку шею перерубают, – наверняка в обморок хлопнешься. В последнее время на рынке поговаривали, что на казни новая мода идет – прилюдное четвертование и удушение на веревке. А в соседнем Калатере даже кого-то на площади живьем сожгли. Ну, Калатер хоть и самый близкий город, но на самом деле даль несусветная. Вообще вдали от приличной реки стоит, и до этого городишки кровожадного торговый караван сорок пять дней холмами идет. Все равно жутковато. Даша, в отличие от большинства каннутцев, живо представляла, как выглядит огненное аутодафе. Спасибо кинематографу.

Жалко Костяка. Не доживет ведь до старости. Хотя старость – счастье сомнительное. Даша, как умершая, о таких вещах вполне могла судить. Мироздание вообще подло устроено. Хотя какой философ из Лохматого? Он же в себе омерзительно уверенный, хоть и в обносках щеголяет. Интересно, сколько бандиты денег зарабатывают? Видно, немного. Или он все на девок спускает? Козел.

В следующий раз Костяк подвернулся Даше очень удачно. На позднем рынке удалось почти задаром прикупить два мешка свекольной ботвы для Василь Васильича. Волокла их Даша с трудом. Мешки не сильно тяжелые, но неудобные – сразу оба на плечи не взвалишь. Костяк вынырнул из переулка, без разговоров подхватил один мешок.

– Где пропал? – с облегчением спросила Даша.

– Работал, – кратко объяснил Лохматый и встряхнул мешок. – Вас-Васу?

– Ему, проглоту, – пробурчала запыхавшаяся Даша.

Они дошли до дома. Костяк рассказывал о трех барках, пришедших от моря. Привезли уйму всяких редкостей. Ткань какую-то немислимо дорогую. Новости. На морском побережье вроде бы война какая-то начинается.

Война Дашу интересовала мало. Как, впрочем, и дорогие ткани. И то, и другое далеко. Тут бы к осени денег на самое простенькое платье наскрести.

Эле была дома. У калитки Костяк передал мешок подружке, но смыться не успел. Хозяйка выглянула на улицу и немедленно погрозила парню дубинкой. Лохматый удалился скорым независимым шагом.

– Я его у рынка встретила. Случайно, – поспешно объяснила Даша.

– Понятно, что случайно, – Эле, словно пушинку, закинула мешок во двор, кивнула девушке: – Заходи, чего столбом встала?

– Эле, я его правда не звала, – сказала Даша, заволакивая свой мешок.

– Это как сказать, – неопределенно заметила хозяйка. – Что ж ты у меня такая слабосильная? Даже бандиты к тебе сочувствие проявляют. Питаться тебе нужно лучше. Вот Вас-Васа продадим...

– Костяк мне просто так помогает. Не из жалости, – пробормотала Даша.

– Эх, Даша-Аша, разве в жизни что-то просто так бывает? Да что ты на дубинку косишься? Разве я тебя когда трогала?

– Вдруг разозлишься по-настоящему? – с опаской сказала девочка. – Ты резкая бываешь. Вон как тогда Лохматого отделала.

Эле засмеялась:

– Защищаешь, значит, носильщика дармового? Глупая ты. Мне ведь по-настоящему злиться нельзя. Убью. Что за тебя, муху безответную, что за твоего уродца потом отвечать придется. У нас в Канноте, слава богам, до всякого рабства и прочих безобразий еще не додумались. Законы, какие-никакие, соблюдаем. Слышала, что на побережье творится?

– Нам-то что? – сказала Даша. – Сейчас на рынке абрикосы лежалые по «щитку» за ведро отдают. Давай сварим? Горшок треснутый я залепила, теперь если сварить повидло, постоит до зимы...

День был ярмарочный, Даша и Лохматый с трудом протолкались за городские ворота. Дорога к реке стала уже привычной. Честно говоря, Даша теперь с нетерпением ждала прогу-

лок. Раз в неделю можно Вас-Васа и в одиночестве оставить. На берегу ветерок все-таки, а в городе жарница, как в адском пекле. Сегодня Костяк нес тощий мешок. Сказал, что прикупил дыню за Южными воротами. Там дешевле. И правда, дешевле, только ходить слишком далеко. Даша не возражала – отдаст Лохматому денежку, и все по-честному останется. Костяк правило покупать обед в складчину соблюдал беспрекословно. Честный парень. По-своему, по-воровскому. Честность Даше нравилась. Даже бандитская.

Искупались. Вода стала теплая, противная. Даша проплыла вдоль берега, как смогла, вымыла голову. Мыло в Канноте было дико дорогое. Иногда Эле приносила со службы кусочек. Тогда Даша нагревала воду и мылась с чувством, не торопясь. Сейчас девушка хорошенько прополоскала свои «мышинные хвостики» в желтоватой воде. Костяк бултыхался в стороне. Даша показала парню правильные движения брассом, и он не упускал случая подучиться. Вообще-то, Лохматый совсем не был дурачком.

Даша накинула платье, подпернула подол повыше, чтобы ноги подсохли. Костяк уже чистил дыню.

– О, медовая! – сказала Даша, чувствуя, как бегут слюни.

– Да, в этом году уже третий урожай, – согласился Лохматый, ловко снимая кожуру. – У городской стены целые холмы навалили. Сгниют.

– Слушай, а ты не знаешь, как дыни правильно вялить? Я у Эле спрашивала, она не знает.

– Мне тоже их как-то вялить не приходилось, – признался Костяк.

– Ну да, – с некоторым разочарованием согласилась Даша, – это не по твоему профилю. У тебя новый нож?

– Хм. – Лохматый вроде бы смутился. – Даша, я, вообще-то, хотел этот ножик тебе отдать.

– Подарить, что ли? – мрачно спросила девушка. – Что это ты? Не возьму. Я тебе говорила.

– Не шуми, – попросил Костяк. – Это не насовсем. Попользуешься – вернешь.

– Сдурел? – Даша удивленно хмыкнула. – А если я его сломаю? Лезвие выщерблю? Такой нож не меньше «короны» стоит. Ты, Лохматый, умный-умный, а дурак. Спрячь нож и молчи.

– Я, конечно, спрячу, – спокойно сказал Костяк. – Только получается чересчур глупо. Когда я своим «пером» жратву режу, тебя воротит. Я понимаю. Дома вы с Эле вместо ножа таким ржавым огрызком пользуетесь, что смотреть противно. Мне нож тебе на время дать ничего не стоит. Гордость твоя здесь ни при чем. Вот прошлый раз ты мне кусок пирога со сливами отдала, потому что сама уже наелась. Что, выходит, я теперь тебе чем-то обязан? Глупо. Не по-дружески.

– А мы с тобой друзья, значит? – неуверенно спросила Даша.

– А разве нет? – удивился парень.

Даша фыркнула:

– Ты мне свое наивное удивление не изображай. Я тебя не первый день знаю.

– Ну и хорошо, что не первый. Как насчет ножа?

– Нет, ты подожди. Я в воровскую дружбу не верю.

– Так не воровская дружба у нас, – безмятежно сообщил Лохматый. – Ты же не «деловая»? Значит, и дружба у нас простая. Человеческая.

– Дружба? – Даша нервно заерзала. – Значит, дружба?

– Не только, – Костяк откинул с лица влажные волосы. – Когда согласишься за меня замуж выйти – ты скажи.

– Взял и все испортил, – упавшим голосом сказала Даша и уткнулась лицом в колени.

– Ничего я не испортил, – возразил Лохматый. – Если дружим – значит, честные. Ты мне нравишься. Сильно. И не говори, что и не знала и не ведала. Только я не надоедливый. Захочешь – я тебе хорошим мужем буду. Не захочешь – дыню будем есть, мешки таскать, разговаривать.

– Ты что, совсем дурак? – пробормотала Даша. – Наговорил, а потом...

– Я не совсем дурак, – Костяк ухмыльнулся. – Я просто хитрый. Я мог бы тебе горсть побрякушек насыпать да кошель с серебром поднести. У меня есть. Да только ты ведь этого и боишься. Ты какая-то скромная наизнанку.

– Я не скромная, – возмутилась Даша. – Я просто побрякушки ненавижу.

– Это вряд ли, – рассудительно возразил Лохматый. – Украшения для того и придумали, чтобы они женщинам нравились.

– Только не кровавые, – буркнула Даша. – И серебра воровского мне не надо.

– Это я понимаю, – согласился Костяк и сунул девушке ломоть дыни. – Только другого серебра у меня нету. Год назад и этого не было. Я, Даша, только так зарабатывать умею.

– Врешь. Ты кем угодно сможешь работать. У тебя руки хорошие.

– Не жалуясь. Но плотник из меня средненький выйдет. И торговец средненький, и мясник, и каменщик. Да и кто меня такого, без роду без племени, без поручительства на работу возьмет? А как «деловой» – я ничего, повыше среднего.

– Вот тебя, дурака, на голову и укоротят, – сказала Даша, выразительно чиркнув пальцем у горла.

– На себе не показывай, – предупредил Костяк. – Может, меня и укоротят. От судьбы не уйдешь. Тебе будет жалко?

– Будет, – буркнула девушка. – Только замуж я за тебя не пойду. И вообще ни за кого не пойду. Мне муж не нужен.

– Понятно. – Лохматый откусил от ломтя дыни, задумчиво пожевал. – Понятно, что ничего не понятно. Знаешь, Даша-Аша, я тебя сроду не спрашивал, откуда ты взялась, но это вовсе не оттого, что мне не интересно. Я правила знаю. Но в твоём возрасте девки замуж с таким жаром ломаются, будто их на облове стражники обложили и выход у девиц один – в колечко обручальное влезть. Ха, ну и дивная служанка Эле попалась.

– Что ж ты такое диво замуж зовешь? – пробормотала Даша, машинально вгрызаясь в сочную ароматную мякоть. Дыня действительно была медовой. – У меня ни рожи ни кожи. Ни семьи ни денег. На что я тебе?

– Вопрос непростой, – Костяк сел поудобнее и утер подбородок. – Ты совсем ни на кого не похожа. Мне нравится. И как подружка, и как жена будущая. Я бы тебе и про кожу и глаза сказал, да ты сейчас это за пустую болтовню примешь.

– И правда, болтун. Я же говорю – я замуж не пойду никогда.

– Я понял, понял, – Костяк протянул подруге следующий кусок дыни. – Мне два раза повторять не нужно. Что ты все про замужество да про замужество заладила? Пойдем лучше еще окунемся.

– Я заладила? – Даша улыбнулась. – Ох и иезуитская же ты рожа, Лохматый.

– О! А это кто такие?

Даша учила Лохматого правильно двигать в воде ногами. Слушал он внимательно – видимо, действительно очень хотел научиться. Странно, что, стоя в воде совсем голая, Даша не испытывала ни малейшего смущения. Желтая вода, конечно, прикрывала тело не хуже платья, но все равно. Несмотря на idiotские мыслишки о женитьбе, Костяк был надежным парнем. Касался плеча или руки попросту, безо всяких слюней алчных. Надо думать, не зря к шлюхам ходил. Может, и хорошо, когда мужик знает, где лишнюю сперму сбросить?

Когда возвращались, Костяк мимоходом спросил:

– Как насчет ножа?

– Не возьму, – легко сказала Даша. – Не приставай.

– Следующий раз будешь свой пирог целиком лопать, – предупредил Лохматый. – Я тебе помогать не стану.

Даша засмеялась, но нож все равно не взяла.

Нож на следующий день принесла Эле.

– У бани ко мне твой оборванец подскочил, – недоуменно сказала она. – Сунул сверток, сказал, что это тебе и мне для хозяйства. И деру дал как ошпаренный. Я смотрю – там нож. Ты бы мне, Даша-Аша, объяснила, что это за фокусы? Тебя в «деловые» вербуют? А я при чем?

Даша смущенно хихикнула и попыталась объяснить.

– Ты, значит, отказалась от подарка? – с непонятым выражением сказала хозяйка. – Гордая ты, как я посмотрю. За «корону» горбатиться месяц можешь, а такую полезную вещь принять зазнайство не позволяет. Умище из тебя, девка, так и прет.

– Я обязанной быть не хочу, – насупленно объяснила Даша.

– А я хочу? Думаешь, я не понимаю, что платить тебе в два раза больше должна? Платила бы, да нечем.

– Ты что, Эле? – обиделась Даша. – Я же живу у тебя.

– Ох, глупая ты, – вздохнула хозяйка. – Живешь впроголодь у тетки однорукой, еще и довольна. Я бы твоему ворюге шею свернула. Ненавижу бандитов. Да только разве я не знаю, что он тебе крышу сарая подправить помогал? Сама бы ты, муха, и в жизни не справилась. Насчет ножа – тебе самой решать. Вещь полезная. Я вон вчера кабачок топором пилила. Решай, девка. Не в постель же он тебя этим клинком покупает...

За ужином Даша резала хлеб новым ножом. Эле ничего не говорила, только поглядывала. Уже после еды ловко подкинула новый нож, поймала за лезвие, покачала на ладони:

– Ничего лезвие. Для хозяйства в самый раз. И в дорогу можно. Слава богам, не паршивое бандитское «перо».

– А какая разница? – неуверенно поинтересовалась Даша.

– Эх ты, «деловая» подружка. «Перо» – окна вскрывать да засовы отодвигать приспособлено. Гибкое, легкое. Хлеб резать да кишки из людей выпускать им редко кто станет. Разве что совсем прижмет бандюгу. А этот нож совсем другое дело – для честных людей. И ножны качественные. Спер где-то твой Лохматый. В лавке такой нож не меньше двух «корон» потянет.

– Эле, ты много про оружие знаешь?

– Много-немного, что толку? Денег это нам не прибавит. Смотри, нож не потеряй.

– Мне что, его с собой носить? – изумилась Даша.

– По уму бы неплохо и носить. Времена идут беспокойные. Бандита твоего рядом все время не будет. Мало ли кто такую слабосильную вздумает обидеть? Стражников на улицах все меньше. Да только ты, что случись, со страху нож сама бросишь. И откуда ты такая слабая-хилая взялась на мою голову?

* * *

Забор выглядел почти как новый. Костяк шепотом командовал и плотно придерживал доски со двора, Даша лихо вгоняла гвозди с улицы. Даже выщербленный обух не мешал, разномастные гвозди входили как миленькие. Даша оглядела результаты трудов и, удовлетворенная, ушла во двор. Не так уж это и трудно было забор отремонтировать.

– У тебя отец плотником был? – спросил Костяк, шоркая метлой и сгоняя в кучку щепки.

Даша хмыкнула и отобрала у него метлу. Бывает ли такая профессия – журналист? И вообще, бывают у людей отцы? Вон, ни у Лохматого, ни у Эле с Донной никаких папаш вроде бы и не было. Или просто не принято о таких незначительных деталях упоминать?

Обсудили с Костяком планы по ремонту двери. Во время дождей сквозь щели сильно нагоняло воду. Осенние ливни здесь еще мощнее льют. Опять через лужу перепрыгивать? Лохматый объяснил, что нужно или доски менять, или клинья между ними врезать. Без пилы ни того, ни другого не сделаешь. Упомянул хитрец мимоходом, что пилу может принести, но настаивать и не подумал. Будет ждать, дипломат мосластый, пока Даша сама не скажет. С две-

рью успеется. Пока Даша дала попробовать помощнику абрикосового повидла. Хоть и не слишком сладкое варево получилось, Костяку все равно понравилось. Одобрил. Льстить Лохматый совершенно не умел, и Даша порадовалась. Значит, не зря деньги потратила. Попили слабенького отвара из диких слив.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.